

12+

Мария Часовитина

Клеща

Мария Часовитина

Клеща

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56531540

SelfPub; 2020

Аннотация

Люсьену укусил мутированный клещ. Господин Брыкин проглотил непонятные пилюли. С обоими начинается твориться что-то неладное. Оба обращаются за помощью в поликлинику, где персонал ведет себя довольно странно. Да и само медучреждение оборачивается местом, где находятся пальцеголовые существа. Так и не получив помощи, главные герои вынуждены бежать. Где скрываться и кому верить, если даже соседка оказывается совсем не той, за кого себя выдавала? Спасение сулит лес, но и у него есть свои секреты. А время идет – и это тоже немаловажный факт.

Что-то заставило темную маленькую точку оставить дерево. Она приземлилась на человеческое тело. Сделала надрез и начала питаться сочившимся из раны жизненным соком. Темная маленькая точка не только брала, она и делилась с жертвой – своим вырабатываемым особым веществом. И неизвестно, какие последствия могли произойти при смешивании его с человеческой кровью...

1.

Люсьена подрабатывала уборщицей в школе. Ей нравилась эта работа. Приятно было ощущать свою значимость. В том числе, и направляясь в подсобное помещение за ведром, шваброй и вечно серой, – даже когда новая, – тряпкой.

Вода, весело журча, наполняла ведро. Женщина поднимала его легко и, не перед кем не красуясь, ровно, не сгибаясь, шла к кабинетам классов. Погружала тряпку в воду, крепко выжимала ее и бодро принималась за работу. А потом ставила собственные рекорды скорости, быстро вымывая пол в длинных коридорах школы.

Помимо осознания собственной значимости, в качестве еще одной приятной составляющей, являлась зарплата, стабильно приходившая каждый месяц на карточку. Да и вообще, в свои шестьдесят Люсьене нравилось чувствовать, что ее работа нужна кому-то, а сама она полна сил и может вести довольно активный образ жизни.

По этой же причине и работы на территории возле домика, в котором она жила, тоже были ей по душе. Женщина, ко-

нечно, ворчала: «Вот, на старости лет приходится самой огород копать... Зато помидоры-огурцы никуда от тебя не уедут – даже если очень сильно захотят...» Но высказывала недовольство она больше для вида и потому что умела говорить. В действительности ей очень нравилось выращивать самой фрукты-овощи. Вовремя покупать семена. Проращивать их на подоконнике. Всклывать по ночам и поливать рассаду – так как забыла это сделать утром. В срок высаживать возле дома, копаться в земле. И, конечно же, пожинать плоды трудов своих.

В этот день она, отработав положенные часы в школе, отдыхала под яблоней в тени сада. Захватила из кухни кусочек свежего поклеванного хлеба, посыпанного солью. «Замечательный я себе устроила себе пикник на свежем воздухе», – думала женщина, удобно расположившись в соломенном кресле и запивая хлеб сладким ароматным чаем, настоящим на смородиновом листе.

Легкий укус, наподобие комариного, она почувствовала. Но особого значения ему не придала. Лишь несильно хлопнула себя по спине, немного выше левой лопатки. Через некоторое время, продолжая пить чай, провела рукой по тому же самому месту. И, – словно стараясь смахнуть чувство дискомфорта, – еще раз. Но неприятное ощущение осталось.

– Да что же там такое, – ворчливо произнесла она и начала, как могла, исследовать начавшее зудеть место. Место укуса было не очень хорошо видно. Повернув максимально

голову влево, Люсьена все же смогла разглядеть маленькую черную точку. Поначалу ей показалось, что это просто родинка. Но пристально взглядевшись, заметила, что точка обладает тоненькими, словно волоски, ножками. Люсьена забеспокоилась.

– Привет, Лимиговна, – крикнула она маячившей в огороде соседнего домика полноватой женщине в длинной красной юбке и просторной, не стеснявшей движений, голубой рубашке. Своим странным отчеством она была обязана отцу родом из Китая. Тот, приехав однажды в командировку в чуждую всему его жизненному укладу Россию, оттуда быстро уехал. Однако успел оставить необычное отчество дочурке. Так, по крайней мере, рассказывала сама Лимиговна, которая на тему своей личной жизни говорила крайне мало и неохотно.

– Привет, Савельевна, – отвечала та, вытирая руки об выуженную из юбки широкую белую тряпку. Сомнительно чистые руки расположились на тупых клиньях невысокого забора, образуя прямую – от локтя до локтя.

– Посмотри, что у меня тут, слева, ниже плеча. Никак сама не могу разглядеть, – Люсьена максимально приблизилась к забору, подставляя плечо.

– Да тебе срочно в больницу нужно бежать, – отшатнулась от нее соседка. – Там у тебя кто-то сидит, вон и ножки его торчат, а голова ушла под кожу. Клещ, наверное, присосался.

У обеих женщин были телевизоры дома. Обе их практи-

чески не выключали. Быть в курсе всего, – от предсказаний племени майя до того, как с помощью огуречного сока наладить работу желудочно-кишечного тракта, – дамы считали своей прямой обязанностью. Поэтому обе прекрасно знали, что сейчас клещи активизировались и участились случаи заболеваний, передающихся с их укусом. Сами только недавно обсуждали эту тему. Лемиговна сразу напомнила соседке, как людей предостерегали от занятий самолечением и советовали обращаться за помощью к медикам.

– Да, да, – закивала и Люсьена. – Помню, говорили: «не нужно самим пытаться вытащить клеща. Это опасно».

– Правильно! Иначе можно разорвать его и оставить частицу под кожей, куда он уже проник. А это верный способ заразиться какой-нибудь гадостью. К тому же, врачи должны проверить – переносчик он болезней или нет, – проговорила Лемиговна, словно заученный урок. – Так что, живо в поликлинику!!

Женщины быстро попрощались. Дома Люсьена в момент собрала все необходимое. Документы в строжайшем порядке лежали в верхнем ящике комода. Для того, чтобы они всегда были под рукой, отводился день, предназначенный исключительно для наведения порядка. «Так, заросла...», – обычно говорила Люсьена, присаживаясь возле комода. От этого места порядок плавно распространялся на весь дом, превращаясь в капитальную уборку.

Через несколько минут женщина уже шла в поликлинику,

а в ее очень вместительной женской сумочке свободно размещались все необходимые для приема документы.

Люсьена не доверяла врачам. Хотя, конечно, за свою жизнь ей не раз приходилось с ними сталкиваться. Она понимала, что врачи, как и люди, все разные. Но судьба всякий раз сводила ее с не очень хорошими людьми, освоившихся в этой профессии, что и накладывало отпечаток на восприятие всех медиков в целом. Поэтому каждый раз, встречаясь с людьми в белых халатах, Люсьена чувствовала себя загнанным в угол зверьком. Ощущала свою беспомощность и их могущество. В связи с чем, обращаться к врачам старалась крайне редко, когда совсем прижимало и уже не работало народное средство «ляг, поспи и все пройдет».

Был момент, когда однажды, застряв надолго в больнице, она пришла к выводу, что медики – это особые люди, составляющие своеобразное братство, чем-то напоминающее секту.

«Своя одежда, свой язык, а эти иероглифы, которые они выводят, когда пишут, – рассуждала она в полудреме от таблеток, – к тому же, в их руках наши жизни...» Этот вывод Люсьена скоро забыла, как забывала все, что было связано с медучреждениями, когда из них выписывалась. Но вспоминала всякий раз, когда снова сталкивалась с медиками.

Очень быстро женщина добралась до поликлиники. Огороженный черным решетчатым забором дом медучреждения, выкрашенный в темно-бордовый цвет, усилил тревож-

ность. Чувство мерзости с налетом безысходности подкатило к горлу. Она постаралась выдохнуть его. Взялась за ручку двери. Решительно дернула. Дверь медленно поддалась. Поликлиника заглотила очередного посетителя.

2.

Ненавидела Люсьена в поликлиниках и длинные, подолгу застывающие на месте очереди. Первая, – в регистратуру, – встречала своих посетителей практически сразу, как только они закрывали за собой дверь.

Регистратура огородилась от визитеров стеной. Связь людей и медперсонала осуществлялась через небольшие окошки. В соответствии с их количеством, вошедшие делились на два лагеря. Новички, по наитию, примыкали к одному из хвостов очереди.

Люсьена встала в левую колонну, за женщиной в черном платье с изображением на нем больших серых пятен. По традиции, очередь двигалась очень медленно. Заскучав, Люсьена принялась разглядывать платье стоящей рядом особы, поражаясь, как можно надеть на себя столь мрачный балахон. «Какая-то нелепая тоска», – подумала Люсьена и перевела взгляд с платья. Но рядом стоявшие также не вселяли оптимизма и не отличались чем-то, веселящим взгляд. Женщина переводила взгляд с одной спины на другую – и сразу поняла, что это не менее увлекательное занятие. В какой-то момент люди показались ей одинаковыми. Они застыли, объединенные бесполезностью ожидания. «Роботы, – пронеслось в го-

лове, – запрограммированная толпа». Продолжая рассматривать посетителей, она заметила, как перед окошками регистратуры люди кланяются. Почтенно сгибался каждый, кто становился первым в очереди. Вынуждала кланяться находившаяся под окнами, на уровне груди, небольшая щель. Узкая настолько, чтобы в нее смогла поместиться лишь протянутая рука с документами. В эту щель и старались говорить посетители клиники, произвольно кланяясь.

Женщина мысленно возмутилась: «да тут невозможно не поклониться! Кому это нужно, чтобы люди именно так начинали визит к врачам. Заблаговременно их уважали, почитали и благодарили. А еще в такой позе мы смиренны и доверчиво-беззащитны».

Люсьена размышляла над поклонами, одновременно наблюдая за мужчиной, стоявшим сейчас первым. Согнувшись, тот пытался рассказать, что его сюда привело. Визитер говорил в щель, то и дело сбиваясь под ощупывающим взглядом работницы регистратуры.

Наблюдая за скучным диалогом, Люсьена вдруг ощутила, как по очереди прошла волна. Возле окошка вдруг возникло лицо – человек в черной шляпе со страдальческим взглядом. Его тут же невзлюбили.

– Вы что это без очереди лезете? – напала на него чрезмерно бойкая особа. – А еще шляпу напялил! В помещениях снимают головные уборы!

– Да я уже стоял в очереди, – отбивалось лицо, момен-

тально сняв шляпу и извиняющимся тоном бубнило объяснения: – Я уже и к врачу очередь прошел, но там вдруг выяснилось, что у него нет моей карточки, хотя должна была быть, раз здесь мне ее не дали. Врач без карточки меня принять отказался. Поэтому я сюда и вернулся...карточку взять...

Очередь ощетибилась. Видно было, что человек не врет. Но и пропускать его никто не хотел. Всем было плевать на объяснения. Главным стало всеобщее желание – не пропустить. К тому же, сейчас вторая работница регистратуры куда-то ушла и очередь практически не двигалась.

– Всем здесь нужно карточки взять! – рявкнул на лицо чей-то голос.

Почувствовав враждебность и не имея достаточно сил для противостояния, человек встал за Люсьеной. Она с сочувствием взглянула на него – лицо выражало покорность. Очередь успокоилась: подчинив своей воле, она моментально о нем забыла.

Через полчаса Люсьена продвинулась на целых два шага вперед. Незначительное продвижение. Зато с нового места было удобнее смотреть, что происходит по ту сторону пластикового окна. Воспользовавшись предоставленным развлечением, Люсьена стала наблюдать за работой медперсонала.

Оставшаяся одна регистраторша чувствовала себя невероятно важной. «Она как королева в своем царстве, – сравни-

ла женщина. – И поведение соответствующее. Презрительно-снисходительное по отношению к окружающим. А как медленно она все делает...»

Действительно, торопиться и делать свою работу в ускоренном темпе та явно не собиралась. «Где написано, что один работник должен работать за двоих?», – откровенно читалось в ее взгляде. И она бы произнесла эту фразу, осмелюсь кто затронуть сию скользкую тему. Движения и речь медработницы тоже подчинялись определенному ритуалу, который все здесь выполняли неукоснительно.

– Фамилия, место проживания? – слышала Люсьена как спрашивала та невероятно усталым, даже в начале рабочего дня, голосом. Получив ответ на запрос, даже если человек продолжал говорить, она его уже не слушала. Медленно поднималась и шла вглубь кабинета, к многочисленным стеллажам. На полках стояли пухлые тетради. На разноцветных корешках синими чернилами были выведены фамилии пациентов. Над тетрадями торчали потемневшие картонки с прочерченными через трафарет буквами алфавита. Регистраторша, ориентируясь по этим знакам, подходила в определенное место. Цепкими пальцами выхватывала одну из множества тетрадей. Словно боясь расплескаться, медленно плыла с ней обратно.

Люсьена наблюдала за скучными действиями обеих сторон. По мере приближения к заветному окошку, начала волноваться. Это всегда происходило. Почему перед медработ-

никами она вся внутренне сжималась и начинала что-то мямлить заискивающим голосом, она не знала. Видимо, подчиняясь тому же самому негласному закону, который воздействовал и на посетителей поликлиники. Она чувствовала, как все вокруг нее говорило: «согниись, молчи и уходи» – и ей действительно хотелось так поступить.

Окошко перед Люсьеной освободилось. Она шагнула вперед.

– Вот тут, слева, возле лопатки, у меня клещ, наверное, – пригибаясь к щели («и я тоже...»), залепетала она, приподнимая рукав кофты, чтобы показать проблемное место.

– Значит, вам в 001-ый кабинет, – изменила порядок слов работница регистратуры, и, бросив быстрый взгляд, резко пресекла действия Люсьены. – Не надо мне тут ничего показывать! Идите к врачу, там и показывайте! Сначала к терапевту, в 5-ый, а оттуда вас направят, куда нужно. – Далее пошло по схеме: – Фамилия, место проживания?..

Произнесенные Люсьеной фамилия и место проживания включили механизм. Он заработал. Женщина задвигалась. Пошла к стеллажам. Долго возилась возле одного из них. Переворошила, – сначала в одну сторону, потом в другую – стоявшие там тетрадки. Налаженный механизм дал сбой. Медработница обернулась, недоуменно подняв доведенные до цвета угольной черноты брови, крикнула с места:

– Когда вы у нас были?..

– Ой, давненько, наверное... – Люсьена стала мучитель-

но вспоминать, когда же она действительно в последний раз здесь была. Но журнал посещений поликлиники она не вела. Поэтому ничего конкретно сказать не могла.

– В этом году были? – в голосе сотрудника послышались грозные нотки («приходят же такие, кто журнал посещений поликлиники не ведет...»)

– Нет, вроде бы, – запинаясь, отвечала Люсьена и зачем-то еще раз, поменяв местами слова, повторила то же самое: – Вроде бы, нет.

– Но я не нахожу вашей истории! – обвинял ее голос.

В нем Люсьене слышалась сталь. «Таким голосом можно резать. Или – зарезать. В зависимости, от ситуации. А сейчас она явно складывается не в мою пользу...» – пронеслось в голове, в то время как она уже пыталась хоть что-то сказать:

– Что же делать... куда же она подевалась-то, – бормотала женщина.

Не удосужив Люсьену и взглядом, медработница молча прошла к своему месту. Поравнявшись с ним, вдруг исчезла – нагнулась. Затем появилась – выпрямилась. Но уже с результатом фокуса, держа в руках маленькую табуретку. С ней снова последовала в сторону стеллажей. Но прошла мимо них. Поставила стульчик возле самого дальнего, стоявшего отдельно от всех, шкафа. На полке, располагавшейся выше роста медработницы, тоже находились тетради с фамилиями. Люсьене не видно было лица работника регистратуры, но она понимала, что оно сейчас явно не излучает доброту

и человеколюбие.

Толстый палец медработницы водил по корешкам тетрадей. На нем железным желтым светился огромный камень, заточенный в кольцо. Этот ритуал Люсьена уже наблюдала: сначала палец двигается в одну сторону, потом, уже медленнее, в другую. Наконец, нужная тетрадка была выцеплена.

Брезгливо поджав ярко-малиновые губы, медработница попыталась слезть с табуретки. Расстояние до пола было небольшое. Но невысокой полноватой администраторше его оказалось достаточно – для проблемы. Она начала тянуть носок одной ноги вниз, стараясь нащупать пол.

В одной руке та продолжала сжимать тетрадку, другой держалась за шкаф. Но, видимо, встала на табурет она неудачно. Еще одно, – лишнее, – движение, табуретка накренилась и медработница, изменившись в лице, рухнула.

Очередь превратилась в глазастого наблюдателя. Стенка регистратуры теперь ограждала не только от людей, но и от помощи. Зараженные любопытством, все стояли и просто смотрели на лежащего медработника – облепив те самые пластиковые окошки.

Люсьена, наконец, сбросила вцепившееся и в нее оцепенение:

– Да тут же помощь нужна! Человек не двигается! – крикнула она, понимая, что сотрудница регистратуры потеряла сознание. Но, не найдя никакой поддержки со стороны наблюдателей, сама начала дергать ручку двери, которая вела

в регистратуру. Закрыто.

Стоять и чего-то ждать было не в характере Люсьены. Она бросилась в коридор за помощью. Но кабинеты, находившиеся поблизости, как назло, тоже оказались заперты. Наконец, одна из дверей под стремительным напором распахнулась настежь и громко стукнулась о стену.

Внутри кабинета две женщины в белых обтягивающих халатах сидели друг напротив друга, лениво облокотившись на кресла. Две пары изящных пальцев заключили в плен хрупкие чашечки. Судя по аромату, здесь пили кофе. Между женщинами – столик с блюдами. Посредине столика, на серебряной фольге – черные квадратики шоколада. Одна из женщин поморщилась, увидев Люсьену. Другая, уловив это движение, растягивая гласные, прокричала:

– Закройте двееерь! Вас что, стучаать не учиилии?! Что вы так врывааетесь!!

– Там женщина упала в регистратуре, – выдохнула Люсьена.

Недовольно переглянувшись, обе встали. Поставили чашки на блюда. Бросив жадный взгляд на черные квадратики, нехотя переключились на Люсьену.

– Ну что там еще, – проворчала та, которая только что возмущалась. Следуя за Люсьеной, обе вышли из кабинета, пошатываясь на тонких, неустойчивых шпильках. С помощью подобного искусственного увеличителя роста они старались казаться выше и стройнее. Что не особо получалось.

Когда Люсьена с врачами подошла к регистратуре, оба окошка были облеплены любопытствующими. Звучали ничемные советы и восклицания.

– Что за привычка, запирать дверь, – прошипела одна из медиков. Как по волшебству, появились запасные ключи. Медработница злобно щелкнула замком. Женщины, в том числе и Люсьена, быстро вошли в помещение.

Обе докторши склонились над своей коллегой. Та уже очнулась, но от испуга все еще не могла прийти в себя и подняться. На лбу у пострадавшей выступила кровь. Причем, Люсьене показалось, что рана была какая-то странная. Небольшой кусочек кожи оттопыривался и свисал, но за ним словно находился еще один пласт кожного покрова. Но толком рассмотреть рану женщине не удалось. Появилась аптечка. Медики, заслонив свою коллегу, делали свое дело. На лбу у работницы регистратуры появилась повязка. Люсьена помогла встать женщине, удивляясь, что та первым делом начала судорожно хвататься за волосы в области затылка.

– Да все у вас хорошо и даже прическа не испортилась. – сказала даже она, но в ответ – ни слова благодарности, лишь какой-то странный взгляд. «Наверное, сильно стукнулась и перепугалась», – объяснила сама себе Люсьена непонятное поведение той.

Пострадавшей начала заниматься одна из приведенных Люсьеной особ. Другая, бросив взгляд на очередь, схватила телефон:

– Ирэна Львовна, срочно идите в регистратуру, у нас тут «чэпе», – и, бросив трубку, подошла к столу. Тут только заметила Люсьену. Облила холодом взгляда.

Будучи вовлеченной в это происшествие, на какое-то время и сама Люсьена забыла, зачем сюда пришла. Теперь, не произнеся ни единого слова, ею же приведенные медики дали понять, кто здесь лишний.

– Вон, у нее – моя тетрадь, – сказала Люсьена, словно опомнившись, и указала на перебинтованную регистраторшу (поскольку пальцем показывать неприлично, она показала двумя пальцами, тем самым образовав из них фигуру, напоминающую пистолет – «интересно, а пистолет прилично...»). Пострадавшая действительно все еще стискивала в руках ее карточку.

Получив злополучную тетрадку, Люсьена увидела в правом верхнем углу номер: «14/17», написанный от руки и подчеркнутый красным. «Что бы это значило?..» – успела подумать женщина, но переключилась на поиски нужного ей кабинета. Она, конечно, не раз была в поликлинике. Но промежутки между визитами обычно составляли больше года. Поэтому каждый раз искать «свой» кабинет ей приходилось практически заново.

Вопреки всякой логике, пятый кабинет находился на третьем этаже. Женщина живо преодолела многочисленные ступеньки лестничных пролетов. Оказалась в длинном полутемном коридоре, утыканном по обе стороны коричневыми

полосами дверей. «Тут я обычно начинаю плутать» – пронеслось в голове. Этот визит не стал исключением. Женщина свернула в один из коридорных тоннелей. Но цифры на дверях кабинетов, похожие на номера квартир в плохо обустроенном доме, подсказали, что она не на верном пути. «Не тот коридор». Люсьена повернула в противоположную сторону. «Наконец-то. Нашла». Снова, логике наперекор, кабинет номер пять находился напротив кабинета номер тридцать шесть.

Очередь на третьем этаже отличалась от очереди в регистратуру. Она изменила свое положение. Из стоящей преобразовалась в сидячую. Рядом с нужным Люсьене кабинетом, на узкой коричневой скамье застыли в ожидании двое. Но рано женщина радовалась отсутствию большого количества посетителей.

– Оттуда уже целый час никто не выходит! – возмущалась, кивая в сторону кабинета женщина, возле которой Люсьена встала. – Все сидим и сидим...

– Да, врач сказала не заходить, что нас вызовут, да вот что-то никто никого не вызывает, – поддакнул мужчина, который сидел перед кабинетом первый.

– Может, стоит постучаться и напомнить о себе? – предложила Люсьена.

– Да я уже пытался зайти, но на меня так рывкнули, что нет уж, покорнейше вас благодарю, – развел руками мужчина, давая понять, что больше он ничего подобного делать не

намерен.

– А я все-таки попробую. Вы не против? – спросила Люсьена у поникших посетителей. Никто не возражал. – Мы сюда не на праздник пришли. Здесь люди с плохим самочувствием сидят, что это они, в самом деле...

Возмущение придавало ей сил. И все же, она снова, приблизившись к двери, немного согнулась, словно желая быть меньше ростом, незаметнее, подсознательно, на всякий случай, принимая раболепную позу.

Снова перед ней дверь. Сколько дверей она уже сегодня открыла. Сколько ей еще их предстоит открыть. Что скрывается за ними? Откроются ли они снова, чтобы пропустить ее? Откроются ли еще раз, чтобы выпустить обратно?..

Женщина тронула ручку. Надавила на массивную дверь. Та бесшумно открылась. Щель проема медленно ширилась. Наконец, доросла до размера, готового вместить человеческое тело. Люсьена просунула в образовавшееся пространство голову. Никого не увидела в кабинете. Об этом знаком дала понять очереди, повернувшись и пожав плечами. Сделала шаг вперед. Оказалась внутри кабинета. Дверь за ней закрылась.

3.

В квартире господина Брыкина раздался телефонный звонок. Мужчина, встав с кровати, не нащупал ногой правый тапочек. Провозившись пару секунд на одном месте, он так и пошел брать трубку, в одном левом.

Телефон был раритетный. Тяжелый. С крутящимся диском. С буквами вместо цифр. Он и звенел как-то по особому, с достоинством. Благозвучной трелью. Господин Брыкин снял тяжелую трубку. Два железных рычажка моментально отпружинили.

– Да-да, – произнес он с вопросительной интонацией. Ему было интересно, кто бы это мог быть. Обычно так рано никто не звонил.

– Здравствуйте, мы из магазина «Покупай-ка», проводим соцопрос среди наших покупателей. Этот номер телефона вы указали, когда заполняли анкету для карты скидок, помните? Вы ведь регулярно делаете покупки в нашем магазине? – сразу, не дав опомниться, перешел в атаку голос из телефонной трубки.

Господин Брыкин жил один. Ему некуда было торопиться. Он позволил себя заболтать. Стал послушно и правдиво отвечать на вопросы.

– Да, я часто хожу в ваш магазин, – сказал он.

– Вам нравится ассортимент предоставленной продукции?

– Вполне, – ответил он. – То, что мне нужно, я всегда нахожу.

– А как бы вы оценили работу наших продавцов? По десятибалльной шкале, если можно...

– Можно, чего ж нельзя. На десять баллов оцениваю. Быстро работают, не болтают друг с другом, не хамят – все

прекрасно.

– Хорошо, спасибо. А как бы вы оценили, тоже по десятибалльной шкале, расположение прилавков с выложенным на них товаром?

– И здесь десять баллов ставлю. Вы не тасуете, туда-сюда, товар. Все всегда лежит на своем месте. Не знаю, кого как, а меня это очень устраивает. А то в другие магазины порой придешь, а там поменяли все. Идешь за сахаром, смотришь, а на этом месте уже мыло и зубная паста лежат. Ходишь потом, ищешь по всему магазину, что тебе надо, время теряешь, – господин Брыкин решил, что проводимый соцопрос довольно значимый и будет полезен для окружающих, поэтому обстоятельно объяснял свою точку зрения. Вдобавок ему было лестно, что его мнения, – пусть и анонимно, – но спросили.

Господин Брыкин верил, что подобные соцопросы могут хоть как-то изменить жизнь в лучшую сторону. Господин Брыкин, несмотря на свои шестьдесят, продолжал быть немножечко наивным. Он и в Деда Мороза верил. Только никому об этом не рассказывал.

– Вы прекрасно ответили на все вопросы, – подытожил неизвестный собеседник, – Признаюсь, не каждый с нами так охотно общается. Вы – один из немногих. И, – внимание, – единственный, кому бы мы хотели вручить подарок. В течение семи дней, начиная с сегодняшнего, вы сможете забрать его в нашем магазине. А что это за подарок, мы вам не ска-

жем. Сюрприз. Скажем только, что денег за него платить не надо – это же подарок. Вам нужно будет только прийти в наш магазин, назвать свою фамилию, показать паспорт, и наши сотрудники, удостоверившись, что вы это именно вы, выдадут вам презент. Спасибо за внимание и беседу. До свидания.

В трубке раздались гудки. Вот так, не успев опомниться, господин Брыкин был вовлечен в разговор. И также неожиданно был из него выключен. Но он не думал об этом. Он думал о подарке. Старался заглушить любопытство: «что бы это могло быть... наверняка, ерунда на постном масле, очередной рекламный трюк».

Несмотря на подобный ход мыслей, господин Брыкин, спустя несколько минут после телефонного разговора, вдруг осознал, что очень голоден. Ему вдруг очень сильно захотелось бутербродов с маслом и сыром, «а потом хорошо бы попить чайка с лимоном». Но дома ничего из возжелавшего им вдруг продуктового набора не было.

Никаких важных дел в этот день господин Брыкин не намечал. «А что мне мешает отправиться в магазин? – спросил он сам себя и самому себе же ответил: – правильно, ничего». Также ничего не мешало ему отправиться за продуктами именно в «Покупай-ку».

«А то, что мне там оставили, подачку какую-то, я брать не буду, не нужно мне ничего», – решил он по дороге. Тем не менее, в магазине этот покупатель первым делом направился

в сервис-зону.

– Как можно получить подарок, который мне сегодня вроде оставили? – спросил он у персонала, стараясь придать своему голосу нейтрально-равнодушную интонацию.

– Назовите свою фамилию и дайте пожалуйста паспорт, – тут же отреагировал обученный мальчик. Свернув услышанное с написанным в документе, сотрудник сервис-зоны, в момент включил улыбку, закивал: – Все верно. Вас действительно дожидается сюрприз. Вот он... – и с этими словами откуда-то снизу он достал огромный шуршащий сверток.

«Сюрпризом» оказалась большая плетеная корзина, упакованная в прозрачный целлофан нежно-розового цвета и в тон ему перевязанная сверху розовым бантом. Сотрудник протянул корзину «счастливчику».

Господин Брыкин несколько растерялся. Он и не думал, что подарок будет столь внушительных размеров. Через упаковку он разглядел, что лежит внутри. Набор оказался довольно разноплановый. Бутылка вина, сыр, колбаса, фрукты и еще какие-то коробочки, не поддавшиеся при беглом осмотре идентификации.

– Да это просто замечательно, спасибо, – засиял в благодарной улыбке господин Брыкин, – здесь все, что я хотел, и лимоны есть, и сыр. Даже покупать ничего не надо. Осталось только хлеба взять и масла для полного счастья.

Господин Брыкин не думал о том, почему он еще час назад намеревался не брать подарок, а потом все же изменил

свое решение на противоположное. Не думал, почему захотел бутербродов именно с сыром. И не особо задумывался о причинах, благодаря которым он и получил весь этот бесплатный сыр.

Оставив корзину в камере хранения, он устремился к прилавкам. Перещупав с дюжину упаковок масла, он взял пачку того производителя, которую брал всегда. Господин Брыкин любил тактильные ощущения. Поэтому в хлебном отделе история повторилась. Он брал в руки сайки, вертел их, разглядывал, даже, посмотрев по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает (камеры он не учел), одну из них понюхал. Покачав головой, положил обратно. Перешел к выкладке с длинными батонами. Надавливал на каждый пальцами, стараясь таким способом прощупать время выпечки.

– Вчерашние, что ли... Какие-то они клеклые, – бормотал он себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ну-ка, а здесь, – потянулся к самым дальним в выкладке, – да, здесь явно сегодняшние.

Перещупав еще пару батонов, он, наконец, отыскал соответствующий всем параметрам и, положив его в корзину, отправился оплачивать. На экспресс-кассе, где обслуживались покупатели, взявшие не более четырех товаров, продавца не было.

– Как всегда, – встав в хвост длинной очереди, проворчал господин Брыкин. – Вот о чем надо было говорить с социопросниками.

Но настроение у господина Брыкина все равно было хорошее. Во многом, благодаря подарку. Да к тому же сейчас он находился на полпути от реализации своего вполне осуществимого желания – попить чая с лимоном, закусывая бутербродами. Отчасти он и очереди-то был рад. «Еще и аппетит нагуляю», – мелькнула мысль.

Оплатив покупку, он, подумав немного, отправился в кондитерский отдел. Махнул рукой: «гулять, так гулять». Господин Брыкин решил взять на десерт кусочек торта. Господин Брыкин старался не думать, сколько стоит весь торт. Господин Брыкин терял аппетит, осознавая, что переплачивает.

Пока стоял в очереди, наблюдал за стоящими впереди него двумя молодыми людьми. Они взяли по два пирожных и по стаканчику чая с причудливым названием и заплатили каждый по триста рублей. С подносами молодежь проследовала к столику – довольные, счастливые, улыбающиеся, не считающие деньги и не расстраивающиеся из-за трат.

«Не хочу переплачивать за название, а чай я и сам сделаю. Да и зрители мне не нужны. Вон тот кусочек только возьму, за 60 рублей, и спокойно съем его дома, – думал он, уже облюбовав кусок торта с вишней.

Господина Брыкина грела мысль о том, что он не выбрасывает за раз столько денег. Господин Брыкин не был жадным. Господин Брыкин был экономным. Но торт с вишенкой – это выше экономии.

Вернувшись из магазина, он первым делом поставил кипятить чайник. Через пару минут тот уже начал издавать привычное похрюкивание. Напевая под нос сочиняющийся на ходу мотивчик, мужчина заварил свежий чай. Пока тот настаивался, господин Брыкин, вглядываясь сквозь целлофан в содержание сюрприза, изучил, где находятся лимон и сыр. Вынимая продукты, отворачивался и прикрывал глаза, стараясь не рассматривать остальное содержимое корзины.

Через пару минут темно-синее блюдо уже золотили кругляшки лимона. На кусочки хлеба легли тонкие пластинки застывшего масла. Сверху их прикрыли аккуратные четырехугольники сыра. Кухня заблагоухала ароматами.

Мужчина убрал со стола все лишнее. Смахнул крошки. Положил бутерброды на широкое блюдо с красными маками (предназначенное для тортов, оно обычно использовалось в зависимости от ситуации).

Господин Брыкин достал стакан в подстаканнике. Господин Брыкин был человеком традиций. Любил пить чай именно из стакана в подстаканнике. Вот и сейчас – не изменил ни себе, ни традиции. Налил в стакан много заварки. Туда же поочередно отправил две ложки сахара «с горкой». Залил кипятком. Бросил дольку лимона. Слегка надавливая на нее ложкой, стал наблюдать, как чай в стакане приобретает светлый лимонный оттенок.

Господин Брыкин любил вкусно поесть. Господин Брыкин любил вкусно попить. Господин Брыкин любил вды-

хоть вкусный аромат. Господину Брыкину нравились простые удовольствия. Он ценил их за доступность.

Сначала он ел, чтобы утолить голод. Потом принялся смаковать еду. Наконец, наступило время резко поменять вкус – на противоположный. После солоноватого сыра, он с радостью принялся за торт. Господин Брыкин любил яркое сочетание шоколадного крема, вишни и корицы. Теперь он смаковал совсем другую вкусовую гамму.

Но сегодня он не мог полностью отдаться гастрономическим ощущениям. Все затмевал острый вкус любопытства. Заставляя себя забыть о подарке, мужчина снова и снова возвращался к мысли о нем. Хотел побыстрее развернуть пакет и более тщательно рассмотреть презент. Но сознательно отодвигал этот момент.

Господин Брыкин любил устраивать самому себе небольшие развлечения. Сейчас он играл в силу воли. Тянул время, решая незамысловатые задачки, которые сам себе и придумывал.

Поначалу он решил так: «разверну подарок после того, как попью чай и съем пару бутербродов». Потом намечал: «открою сюрприз в три часа». Но после трех было: «посмотрю после того, как выучу стихотворение» – чтобы тренировать память, господин Брыкин ежедневно учил по четверостишию из «Евгения Онегина», хотя Пушкина, пресытившись им в учебные годы, особо не любил.

В какой-то момент господин Брыкин вдруг подумал: «а

чего ради я тяну...» – и решительно взял «сюрприз». Да, порой господин Брыкин был непоследователен – с кем не бывает.

Снял с корзины ленту. Повертел кусочек розового атласа в руках, прикидывая, отдать ли соседской девочке или выбросить. Отложил. Зашелестел, срывая прозрачную пленку. «На что только деньги тратят», – думал он, положив ее в мусорное ведро и следя за тем, как она медленно распрямляется. «Через нее же все видно, какой смысл заворачивать?.. эстеты».

Наконец, подарок предстал пред ним во всей своей безвозмездной красе. Господин Брыкин тут же взял за горлышко бутылку с вином. С видом знатока провел пальцем по дну бутылки: «Плоское. Значит, зарубежное», – сделал вывод, чувствуя себя ценителем-знатоком. Начал изучать этикетку. «Точно», – щелкнул пальцем по бутылке, целясь в надпись: «Made in Germany». За бутылкой выложил из корзины: кусок сыра, запакowanego под размер в пленку, большое красное яблоко, грейпфрут, три мандарина и две разноплановых коробочки. В одной из них, судя по картинке, также лежал сыр. «Отлично, такой я тоже люблю», – подумал он и потянулся за другой. Взял в руки. Поднес поближе к глазам. С розовой коробочки смотрел хитро улыбающийся излишне розовощекий мужчина – само здоровье, счастье и благополучие. Господин Брыкин раскрыл ее, уже догадываясь, что будет внутри. Ожидания оправдались. Внутри находился пузы-

рек. Мужчина вытащил его. Зачем-то потряс. Раздался звонко-стучащий и одновременно скрежещущий звук сталкивающихся друг с другом и со стенками пузырька таблеток.

Господин Брыкин почувствовал разочарование: и от того, что «тайна» уже не «тайна» и от того, что последним, и самым загадочным содержимым корзины оказались всего-навсего таблетки. «Уж лучше бы коробочку конфет положили что ли», – вертя в руках склянку, проворчал он.

Господин Брыкин вел здоровый образ жизни. Таблеток он не пил. Раз в год проходил курс гирудотерапии. Господин Брыкин доверял пиявкам. Он уже и не помнил, когда последний раз болел. И все же начал внимательно изучать инструкцию по применению таблеток. Господин Брыкин любил складывать буквы.

Исходя из прочитанного, он понял, что это какие-то витамины. «Мы не гарантируем Вам избавления от всех возрастных изменений. Но мы обещаем вернуть Вам молодость. Вы будете молодеть. Ручаемся!», – читал Брыкин вслух и комментировал – а потому что любил комментировать.

– Какие вы честные! Прямо пионеры, – громко произнес он и убрал таблетки.

Поскольку приближалось время любимого сериала, он включил телевизор. На экране кто-то за кем-то следил, кто-то от кого-то убегал, кто-то за кем-то куда-то бежал, – господин Брыкин так и не понял, кто, куда и зачем. Глазами он следил за мельтешением на экране. Но мысли его никак

не анализировали ТВ-картинку. В этот момент он снова играл сам с собой. Размышлял, глотать таблетку или не стоит. Взвешивал многочисленные «за» и «против» этого решения. Любопытство или рационализм?..

Он всегда снисходительно смотрел на тех, кто покупал что-нибудь «эксклюзивное» и «по самой выгодной цене» у распространителей. Считал, уж кто-кто, а он точно не поведется на рекламу. Не попадет в сети маркетологов.

– Думаете такие умные? Не на того напали, я тертый калач старой закалки, – высказывался он, особо не задумываясь над смыслом сего выражения.

– Меня не проведешь, такого добра мне не надо, – прямо говорил он любому, когда чувствовал агитацию. Но оказалось, что тертый калач старой закалки ничего не имеет против бесплатного сыра.

«С какой стати я буду глотать таблетки?..», – снова и снова спрашивал он сам себя. Но тут же мозг переключался на фразу в инструкции: «не гарантируем Вам избавления от всех возрастных изменений» и мысли господина Брыкина устремлялись уже в иное русло: «это уже хорошо, есть хоть какая-то честность», – анализировал он. Еще через пару минут опять думал совершенно противоположное: «Да уж, как же, ты еще в возвращение молодости поверь...». И снова возражал: «а что, сейчас многие знаменитости выглядят намного моложе своего настоящего возраста, причем точно не из-за спорта и здорового образа жизни...»

Мужчина еще долго спорил сам с собой, приводил аргументы «за» и тут же их опровергал, а потом опровергал опровержение опровержений.

«Сомнения, – размышлял он, – это когда прислушиваешься то к одному мнению в себе, то к прямо противоположному. Кто прав в этом споре? Кто выбирает одну точку зрения, перечеркивая другую? И почему именно ее выбирает?.. Получается, есть еще кто-то в тебе, некий третий, признанный авторитет, который следит за спором между этими двумя и выбирает ту позицию, которая в конечном итоге и выходит окончательной...»

В какой-то момент господин Брыкин взял в руки пузырек. Просто так, без конкретного намерения, поддразнивая себя. Он был даже сейчас уверен – уверен в том, что ничего не сделает.

«Нас с детства приучают не тянуть в рот всякую гадость. Правильно. Так безопаснее», – думал он, глядя на маленькую склянку. Сквозь коричневое стекло просвечивались круглые диски. Мужчина вытащил одну таблетку. Долго смотрел на нее. Неожиданно вдруг положил в рот. Как будто кто-то другой это сделал. «Зачем...», – промелькнула мысль, когда он уже проглатывал таблетку. Подавился. Проталкивая большую, словно пуговица, пилюлю, отпил из стакана теплой воды. Таблетка встала в горле противным комом. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, пришлось пить еще.

Господин Брыкин стоял на кухне со стеклянным взгля-

дом и частыми маленькими глоточками пил воду. Бесплатный подарочный сыр был съеден. Мышеловка захлопнулась.

4.

Господин Брыкин действительно начал молодеть. Как и было обещано в инструкции, прилагаемой к таблеткам. Но кто-то, находящийся по ту сторону сделки, явно жульничал. Хотя об этом не было сказано ни слова, за молодость приходилось платить. Причем, дорого.

Отныне господин Брыкин с ужасом дожидался ночи. Двенадцати часов. Того самого момента, когда электронные часы, стирая все цифры, превращались в ничто. В «0:00». Начинался отчет времени, когда тело его гнула боль.

Когда она нахлынула в первый раз, Брыкин сразу решил, что отравился таблетками. И вывод был небезосновательный. Спустя пару часов после того, как он проглотил пилюлю, заболела голова. Да еще как. Сначала запульсировало в висках. Затем мощная волна боли поднялась чуть выше. Сдавила лобную часть. После перекинулась на череп – и стала сжимать его гвоздями. Со всех сторон. Все сильнее впиваясь. Все глубже забираясь в голову.

Брыкин старался замереть. Не двигаться. Закрыв глаза, чтобы не моргать – боялся почувствовать новую грань боли. Пытался даже не думать.

Спустя несколько часов сильные болевые ощущения начали затихать. Замирая, Брыкин прислушивался к своему организму. «Вроде, уже ничего...» Немного выдохнул, наде-

ьясь, что худшее осталось позади. Он хотел было позвонить в скорую: «мало ли че...» Уже снял телефонную трубку... и положил. Потому что живо представил, как будут прятать улыбку врачи, когда узнают, что их пациент-дедушка накушался всякой дряни, желая омолодиться. Почему он так решил – неизвестно. Но когда господин Брыкин начинал фантазировать, его разум быстро прятался под кровать.

«Потерплю... тем более, мне уже лучше. Гораздо лучше...» – внушал он самому себе, пытаясь не обращать внимания, как колотится и щемит сердце. В глубине души, конечно, Господин Брыкин прекрасно понимал, насколько необдуманно сначала принять неизвестный препарат, а после ухудшения самочувствия не вызвать скорую. Но он сделал так, как сделал. «Жалеть о чем-то уже поздно. А значит, бессмысленно».

Однако, спустя пару блаженных моментов, когда отпускает и ничего не беспокоит, начало скручивать руки и ноги. Мужчина, понимая, что все повторяется, поспешил лечь в кровать и максимально расслабиться. Но помогало подобное лечение мало. Практически вообще не помогало. Он лежал, морщась, сильно стискивая зубы, и лишь сжимал и разжимал кулаки.

Судороги чередовались, перемещаясь в различные места конечностей. То тянуло жилы выше колен. То боль перекачивалась ниже и в ее тисках оказывались ступни ног. Брыкин произвольно взмахивал руками – из-за неожиданных

уколов невидимой иглой. Быстрых и сильных. Он как будто получал удары от такого же невидимого противника. Во рту все пересохло и постоянно хотелось пить. Но встать и дойти до кухни, налить стакан воды, казалось невозможным.

Под утро он крепко уснул. Проснувшись, очень удивился тому, насколько хорошо себя чувствует. «Приснилось, что ли, все... да нет, вроде бы я точно глотал вчера какую-то гадость... а потом все болело – да так, что на стенку лезть хотелось...». Продолжая, лежа в кровати, припоминать события, он осторожно пошевелил рукой. Потом другой. Ногами. Приподнялся. Движения не вызвали ни малейшего дискомфорта. Напротив, он ощущал прилив сил и бодрости. Приподнялся. Повертел головой: «отлично». Без проблем дошел до ванной. Умываясь, подивился на собственное отражение:

– Да ты, судя по виду, спал как младенец, – поворачиваясь то правой, то левой щекой, произнес он, глядя в зеркало. Улыбнулся себе. Подмигнул, ткнул в зеркало указательными пальцами обеих рук, одновременно прищелкнув языком. – Ну, ну не хулигань, актер.

Вышел из ванной комнаты довольным и радостным, каким давно уже себя не чувствовал.

Весь день, последующий за мучительной ночью, господин Брыкин прислушивался к себе. К новым ощущениям. «Может, это побочный эффект, когда все побаливает, но мне нравится чувствовать себя в тонусе», – пришел к выводу он.

Курс приема препарата, согласно инструкции, был дли-

тельным и непрерывным. Мужчина напряженно думал, как ему поступить. «Отказаться от непонятной химии? Или принять ощущение счастья, которое они дают? Больновато, конечно, но может, так происходит с непривычки и во второй раз так больно не будет...» Наконец, сделал выбор. Теперь он уже не играл с собой. Перед сном приготовил заранее стакан воды и решительно взял пузырек. «Может быть, и знаменитые личности тоже платят за свою молодость болью. Что ж, чем я хуже...» – пытался возвать он к голосу разума, запивая таблетку водой. Но когда уже проглотил пилюлю, вдруг подумал: «А вдруг это наркотик?..». Начал размышлять: «эффект эйфории есть. Что-то похожее на ломку тоже. Но я вроде бы держу ситуацию под контролем. Меня не тянет их пить. Напротив, я даже не хотел это делать...или все так думают». Брыкин даже вспотел от подобной мысли. «Ну вот, под старость лет наркоманом сделался», – нервно хихикнул он.

Мужчина размышлял над новой идеей, одновременно прислушиваясь к самому себе. Ему вдруг стало страшно – «а вдруг, будет еще хуже...» Брыкин снова почувствовал себя глупцом, опрометчиво глотающим непонятно что. «Ладно бы еще один раз. Но второй...», – думал он. А время вдруг резко остановилось и бросилось в никуда: «0:00».

Ночные мучения повторились. Но Брыкин все же был к ним морально готов. Зато утром появлялись перевешивающие страдания энергия во всем теле и необычный эмоци-

ональный подъем. Отныне он пил таблетки, не терзая себя неудобными вопросами и сомнениями, а разум окончательно переселился под кровать и не высовывался.

Но и от расплаты никто никого не освобождал. Каждую ночь Господин Брыкин чувствовал, что внутри него идут процессы, кардинально и быстро меняющие его, заставляющие до крови закусывать губы. Время превращалось в ощущения. Каждая секунда вонзала зубы в тело. Он и не предполагал, что боль такая многогранная. Боль, захлестывающая его по ночам, была ценой омоложения. Ценой любопытства. Ценой глупости.

Несмотря на ночные пытки, под утро мужчина крепко засыпал. После пробуждения, вопреки всякому здравому смыслу, чувствовал себя бодрым и посвежевшим.

Господин Брыкин даже не успел удивиться подобным метаморфозам. Эмоции перекрывали. Физические испытания сменяла радость с примесью эйфории. Так продолжалось с неделю.

С недавнего времени зеркало стало награждать его отражением свежего и явно помолодевшего лица. Теперь господин Брыкин, подобно подростку, подолгу рассматривал себя. Он замечал, что лицо и тело все больше преображаются. Морщинки разглаживаются. Кожа приобретает упругость, необычайную гладкость и здоровый цвет. С каждым днем это проявлялось все явственней. Он смотрел в зеркало, снова и снова улыбаясь отражению. «Значит, никакой это не нарко-

тик», – успокаивал самого себя.

Однажды утром, причесавшись, Брыкин заметил, что на расческе осталось очень много волос. Он тут же схватил себя за небольшую прядь. Потянул вверх и слегка дернул. Волосы остались в руке.

– Вот так тебе и надо. Будешь знать, как всякую гадость в рот тянуть, – поучал он самого себя, направляя на отражение в зеркале расческу. Однако господин Брыкин уже давно заметил, что на голове начала образовываться лысина, поэтому особого значения сему факту не придал. Лишь подумал, махнув рукой: «на клочок волос больше, на клочок меньше. Если что – побреюсь наголо, буду импозантным». Спустя еще несколько дней он полностью облысел. Потом волосы начали расти заново. Причем, довольно быстро.

– Ну вот, теперь вы крепкие и шелковистые, – расчесывая вновь образовавшуюся густую шевелюру, вспомнил он слоган вьезшегося в память старого рекламного ролика.

Из дедушки господин Брыкин довольно быстро превратился в моложавого мужчину. Еще пара мучительных ночей – и к нему можно было обратиться не иначе как «молодой человек».

Жизнь круто поменялась. Господин Брыкин вырвался из своего привычного пассивного и размеренного распорядка, хотя тот и был ему по душе.

Теперь по утрам, чувствуя прилив энергии во всем теле, он уходил из дома на целый день. Ему было все равно, ку-

да идти. И он шел. Ему очень нравилось долго, практически безостановочно, двигаться. Преодолевать большие расстояния. Чувствовать свободу движений. Всецело отдаваться ритму шага.

Он выбирался за город и в безлюдных местах начинал испытывать, на что способно обновленное тело. Делал рывок с места. Бежал. Ускорялся. Потом замедлял темп. Переходил на шаг. Подскакивал на месте. Прыгал в длину. Он заходил на детские площадки. Подтягивался на перекладинах и делал «колесо», удивляя, помимо малышей, еще и себя. Двигаясь, он радовался и забывал обо всем.

Устав от длительных забегов и всевозможных проверок собственного тела, он возвращался в город. Бродил по знакомым и не очень улочкам. И даже заходил в такие места, куда до этого момента путь ему был заказан.

Например, в ночной клуб. Брыкин очень сильно стеснялся этого визита. Перед тем, как пойти, оправдывался перед собой: «зайду только, чтобы мнение составить, раз уж возможность выпала... когда еще удастся...». Зашел.

В клубе оказалось темно и холодно. Пахло приторно-сладким. Играла музыка – современная, какую он не любил. Под громкие звуки двигалась молодежь. Брыкин, глядя на вертящихся девиц, забывал закрывать рот. Но знакомиться ни с кем из них не стремился. В отличие от них.

– Что, в первый раз заглянул? – вдруг услышал он вопрос, произнесенный, из-за грохота, чуть ли ни в самое ухо.

Девушка. Ярко покрашенная брюнетка. Смотрит, близко наклонившись к нему. Ждет ответа, за которым может что-то последовать. Все зависит от него. Но он не настроен на продолжение. Ему нельзя:

– Да, в первый раз, – отвечает он ледяным тоном и не выявляет готовности продолжать беседу. Немного, но весьма красноречиво, отодвигается от нее.

– По-о-нятно, – говорит брюнетка, немного растягивая слова, кивает и отходит.

«Обиделась», – думает он, а сам тем временем замечает, что шорты у нее слишком коротко срезаны сзади. Брюнетка садится за соседним столиком. Несмотря на несложившуюся беседу, все равно, повернувшись к нему лицом. Так, что Брыкин постоянно находится в ее поле зрения. Время от времени она предпринимает активные атаки. Улыбаясь, подолгу и безотрывно на него смотрит. Он ловит эти взгляды. Они ему понятны. Они очень ему льстят – давно Брыкин не был объектом обольщения. Но все же, мужчине нельзя воспользоваться вернувшейся привлекательностью в полной мере. Ничего не остается, как делать вид, что он ничего не замечает. Брыкин знает, что домой ему, как Золушке, необходимо попасть до полуночи. И лучше чтобы рядом с ним не было попутчиков. Пусть и довольно привлекательных. Брюнетка терпит полное фиаско, а Брыкин, «составив мнение», в подобного рода заведений уже больше не заходил.

Господин Брыкин пил таблетки, пока не стал выглядеть,

как 35-летний, а потом перестал их принимать. «Пожалуй, с этого момента можно начинать жить сначала», – решил он, убирая пузырек в шкаф с немногочисленными лекарствами из категории первой необходимости. Но, вопреки ожиданиям, после прекращения приема медикаментов, молодеть он не перестал. По ночам он продолжал корчиться от боли, а наутро замечал изменения. Только теперь безрадостно подходил он к зеркалу. Все больше его охватывала тревога.

С недавнего времени, просыпаясь утром, Господин Брыкин первым делом старался справиться с нарастающей паникой. Где-то в подсознании он уже давно понял: что-то пошло не так, но сам себе в этом боялся открыто признаться. Теперь же ясно осознал, в чем дело. Он начал молодеть слишком стремительно.

– Так и до хомячка недолго... – грустно пошутил он однажды, уже вынуждая себя смотреться в зеркало. Больше Брыкин не улыбался своему отражению.

5.

В ту ночь его ломало так, что не в силах сдерживаться, он дико кричал, уткнувшись в подушку, чтобы заглушить звук. Боль выкручивала тело. Он ощущал, как растут ногти, как тянутся жилы, ему казалось, что он слышит, как трещат кости. Он чувствовал кипение крови и пульсацию нервов внутри.

– О, нет, – Брыкин увидел кровавую слюну на руке, которой провел по губам. Перекатился с кровати на пол. Кое-как

дополз до ванной. Выплюнул в раковину красное. Об эмаль что-то стукнуло. Зубы. Прополоскал рот... еще раз. Крови не стало меньше. Он понял, почему. Полезли новые зубы.

Измучившись, Брыкин, тем не менее, под утро, как всегда, заснул. И, как всегда, это был крепкий, исцеляющий сон, после которого пришло чувство обновления.

После этой ночи, на следующее утро Господин Брыкин долго лежал в кровати, прислушиваясь к самому себе. Все прекрасно. Жизненные силы на подъеме. Энергия поднимала его, влекла к действию. Сдерживаясь, чтобы не вскочить и не побежать, он, – специально, медленно, – направился в кухню. Даже не повернулся в сторону зеркала. Не хотелось признаваться самому себе, что с недавних пор стал бояться отражения.

– Должен же быть какой-то выход, – с этими словами Брыкин достал из шкафчика ту самую розовую коробочку. Вытащил из нее пузырек. Быстро, – как обжегся, – поставил его на стол. Пристально посмотрел на эту темно-коричневую склянку: «Ты – джин, который выполнил желание. Только придрался к словам и сделал все буквально. Вот что, оказывается, означает «вы будете молодеть». Все верно. Я молодею. Только это безостановочный процесс» – так думал он, глядя на пузырек и на всякий случай отодвинул его подальше.

Из розовой коробочки вынул свернутый в несколько раз тоненький листочек инструкции по применению. Бухнулся

на диван. Начал внимательно, медленно, останавливаясь на каждом слове, перечитывать все, что на нем было напечатано. Ничего нового. В пункте «побочные действия» все так же значилось: «никаких побочных действий у препарата не выявлено».

Теряя самообладание, трясущимися руками он стал засовывать пузырек и инструкцию обратно в коробочку. Уронил коробку. Поднял. И вдруг заметил, что на одной из ее сторон ручкой сделана надпись. Номер телефона. Тут уже, не сдерживая себя, одним прыжком пересек комнату и схватил трубку. Рычажки у раритетного аппарата плавно отпружинили. Сейчас Брыкин жалел, что у него не сенсорный мобильник – так хотелось побыстрее набрать номер. Но приходилось ждать.

Диск медленно крутился. Останавливался. Брыкин набирал последующую цифру номера. Снова – неторопливое вращение. Наконец, последняя цифра. И – пошли длинные гудки...

– Регистратура. Слушаю вас, – раздался в трубке усталый голос.

– Куда я попал? – спросил он.

– Москва. Кремль, – ответили ему. Господин Брыкин не почувствовал издевательского тона. К тому же, и этот вариант он не исключал. Но сейчас он пытался сообразить, а что, собственно, ему говорить? Как рассказать о происходящем? Причем, это нужно сделать так, чтобы его не послали в ле-

чебное заведение с характерной спецификой. Однако образовавшаяся пауза невидимым собеседником была истолкована иначе.

– Вы в поликлинику звоните, – последовало злобное пояснение. – Давайте, что там у вас, говорите, не задерживайте. Я одна, а вас тут много, охотников задавать дурацкие вопросы, – перешла трубка в наступление.

– Да я тут таблетки принимаю, – начал, старательно подбирая слова, господин Брыкин. – И как-то плоховато мне от них... тут, в инструкции к применению написано, что побочных действий не выявлено. Наверное, эти таблетки выпустили недавно, раз не успели их толком изучить, потому что у меня, похоже, есть побочное действие. Я плохо себя чувствую. И с каждым днем мне становится все хуже, – попытался завуалировать и, тем не менее, особо не соврать он.

– Таблетки, говорите, новые принимаете? – переспросил вдруг голос и замолчал. Послышалось шуршание, словно трубку кому-то передают или переключают на другую линию. И действительно, господину Брыкину показалось, что дальше с ним говорил уже совсем другой голос. Более вежливый. Более заинтересованный. Только вот в чем...

– Давайте вы придете к нам на прием, – начали уговаривать его, а потом разговаривали так, словно все уже решено: – Да, кстати, как придете, в очереди в регистратуру не стойте. Сразу отправляйтесь в 36-й кабинет, он на третьем этаже, направо от лестницы, третья дверь. Легко найдете. Ка-

кая, вы говорите, у вас фамилия?

– Брыкин Семен Семенович, – произнес он, хотя свою фамилию не называл и до сего момента в поликлинику не собирался.

– Отлично, Семен Семенович, медсестра карточку врачу занесет, – пел голос, – вы приходите скорее. Лучше сегодня. Такими делами не шутят. Так, сейчас – три часа дня, а мы до восьми вечера будем работать. Сможете подойти за это время?

– Да, смогу, – произнес, сам того не ожидая, Брыкин. – Приблизительно часа через два подойду. 36-ой кабинет вы говорите? И в очереди стоять не надо?

– Да, вы все правильно поняли. Не забудьте взять необходимые документы – паспорт, полис, ну и таблетки тоже захватите, а вместе с ними принесите и коробку с инструкцией, – отчеканил, словно дал команду, голос в трубке. – Поторопитесь, пожалуйста. Ждем.

После телефонного разговора господин Брыкин начал собираться в поликлинику. Он так спешил, что даже не успел подумать, а почему ему, собственно, нужно брать с собой коробку с таблетками, почему не нужно стоять в очереди в регистратуру и почему в голосе произошла перемена после того, как он упомянул о приеме препаратов. Да и с какой стати ему спешить?..

Молодой мужчина вышел из дома и бодрым шагом направился в сторону поликлиники. Судя по записи в паспорте,

ему было на 30 лет больше, чем по внешнему виду, а судя по внешнему виду, на 30 лет меньше, чем по записи в паспорте. Молодость действительно вернулась к господину Брыкину. Но не одна, а с проблемами. Правда, абсолютно другого характера, чем тогда, когда тридцать лет были следствием естественного хода времени.

6.

Люсьена мелкими шажочками передвигалась по кабинету. Он ей всегда казался таким маленьким... «Где же тут можно спрятаться?» – недоуменно оглядывалась она по сторонам.

Обстановка была типичной для кабинета поликлиники. Возле окна – один большой стол, созданный из двух, поставленных друг напротив друга. Два стула по обе стороны. У стены – белый шкафчик на ножках с матовыми стеклянными дверцами. Кушетка. Вот и вся мебель. В углу была раздвинута ширма.

Стоять просто так, посредине кабинета казалось глупым. Люсьена подошла и заглянула за ширму. Та скрывала небольшую дверь. Женщина толкнула ее легким движением кончиков пальцев – та бесшумно открылась.

Снова чуть-чуть пригнувшись, – законы поликлиники продолжали действовать, – Люсьена просунула за дверь голову. Полумрак. И длинный, узкий коридор, который, неясно, уходил ли дальше или заканчивался стеной. «Наверное, он ведет в какое-нибудь подсобное помещение», – пыталась

успокоить сама себя Люсьена, потому что вид у коридора был жуткий. Однако ее любопытство победило здравый смысл и страх. Женщина пошла вперед.

Низкий потолок. Пол – неровный, в буграх и мелких ямках. Нет окон. Люсьене показалось, что на стенах висят факелы. «Как в подземелье», – подумала она. Но взглядевшись более пристально, разочаровалась. Это оказались всего лишь стилизованные под факелы лампы-ночники, они-то и создавали особый мистический антураж. Но все равно, Люсьена, двигаясь в полумраке, чувствовала себя принцессой в заточении – атмосфера для полета фантазии была самая подходящая. Как выяснилось, коридор не заканчивался, а уходил вправо.

Повернув и сделав еще несколько шагов по темному коридору, женщина уперлась в дверь. В массивную. С тяжелой кованой круглой ручкой. «Но если есть дверь, надо ее открыть», – решила Люсьена и сразу же, зачем-то, придумала для кого-то отговорку: «если что, скажу, что заблудилась». Она ожидала увидеть за дверью помещение, заваленное рухлядью. Но хотела убедиться в своем предположении.

На этот раз легкий нажим пальцами не помог. Дверь не отреагировала. Люсьена надавила обеими руками. Безрезультатно. Навалилась, со всей силы, толкнув плечом. Получилось. Дверь поддалась. Через миг Люсьена оказалась в довольно просторной комнате. И тут же пожалела, что сюда попала. Пожалела о том, что вообще пошла куда-то по темно-

му коридору.

Но чувство сожаления вспыхнуло маленькой искоркой и моментально погасло. Ощущения сплелись. Ей было жутко, и интересно. Удивительно и невероятно страшно. Она стала свидетельницей того, что отрицал разум. Увиденное не укладывалось в рамки реальности, а вопиюще из них вылезало.

Внутри просторной комнаты издавали слабый мерцающий свет аппараты, похожие на швейные машинки. Они были расставлены вдоль стен и освещали тех, кто стоял рядом с ними. Освещали их. Живых и странных. Освещали нечто, не особо походившее на людей. Хотя все, от ног до шеи, у них было человеческим. Вот только сверху... Голова, как и положено, на своем месте. Но у этих существ не было лиц. Кто-то взял и попросту стер их. Осталась лишь плоская гладкая кожаная поверхность, походившая на подушечку пальца. На ней не было ни глаз, ни носа, ни бровей. Разве что ниточка губ, одинаковая у всех, – походила на рот. Но существа не общались между собой. Они вообще не издавали ни звука. Волосы на их головах тоже отсутствовали. Из-за этого существа еще больше напоминали пальцеголовых.

Но лицевая кожаная поверхность несла информацию. Фигуры хорошо чувствовали друг друга. Поравнявшись, они останавливались. Прикладывали ладони к лицевой части и та начинала активно видоизменяться. Сверху, снизу или посередине появлялись шевелящиеся бугорки, рябь, всевозможные точки. Все изображаемые знаки-фигуры постоянно

меняли форму и расположение. То они образовывали вертикальные волны, то горизонтальные, то появлялись бугорки-треугольники в разных местах во всевозможных вариациях. Информацию существа считывали с помощью рук. Со стороны казалось, что это два человека играют в странные прятки, стоя близко-близко и закрывая друг другу лица.

«Подобное шевеление – их сигналы. Они явно так общаются. Но почему бы им не делать это с помощью голоса?.. Наверное, они не могут говорить», – решила Люсьена.

Она, замерев, стояла, пока никем не замеченная. Смотрела и не могла с места сдвинуться. Непонятные существа завораживали. Они были при деле. Что-то шили на своей светящейся технике. Но что? Люсьена присмотрелась. «О Боже! Да это же они сшивают человеческую кожу!», – незваная гостья зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. «Скорее отсюда!»

Теперь уже страх победил все остальные эмоции. Но убежать женщина не смогла. Ноги перестали слушаться. Она боялась, что сейчас упадет в обморок и выдаст себя. Поэтому, стараясь успокоиться, вынуждала себя, оставаясь на месте, медленно делать глубокие вдохи и выдохи.

Люсьене пришлось наблюдать жуткую примерку одного из существ, стоявшего ближе к ней. Невысокая пышнотелая женская фигура извлекла из машинки свою «заготовку». Натянула ее сверху, наподобие шлема, на голову. Очеловечилась. Появилось лицо. Привычные нос, рот, глаза, брови, все,

как и положено, на своем месте. Но все обвисшее. Неестественное. Как плохо натянутая маска. Существо ощупало «надетое» лицо руками. («Руки как руки, обычные», – машинально отметила Люсьена). Почувствовало: что-то не так. Руки переместились к затылочной части головы, где было закреплено небольшое устройство. Пальцы существа начали совершать быстрые движения на этом аппарате. Лицо при этих действиях то неестественно растягивалось, то слишком сильно сжималось. Периодически руки проверяли, – словно считывали, – его внешний вид. Пальцы то прикасались к лицу, то быстро перемещались к аппарату в области затылка. Через некоторое время оно приобрело естественное выражение, но кожа в некоторых местах слишком сильно провисала. Еще одно молниеносное движение – и лицо вдруг начало сжиматься. Все больше и больше. Складки начали заглатывать друг друга – и оно сползло. Женская фигура, подхватив его, направилась к светящимся машинкам. Прodelала манипуляции с примерочным материалом. Опять примерила лицо, по всей вероятности, подогнанное под конкретный размер. Провела по нему руками. Поняв, что все нормально, больше уже не снимала.

Люсьена увидела, что так делали все существа, находящиеся в этом помещении. Здесь было не менее двадцати фигур. («Почему-то все женские», – удивилась Люсьена). Они изготавливали, примеряли и дорабатывали для себя кожаные маски-лица. Заготовки, прошедшие проверку и не нуждаю-

щиеся в доработке, пальцеголовые хитрым способом закрепляли на затылке. Сверху надевали парики. Пышные прически были с секретом. Замысловато закрученные взбитые верх волосы скрывали тот самый маленький механизм, регулирующий их лица. Существа настраивали его – и вот уже глаза маски принимали осмысленное выражение, могли моргать, а рот – открывался и закрывался.

– Шла кашша по шоссе и соссала Машшу, – Люсьена вздрогнула, услышав исковерканную поговорку, сказанную скрипучим голосом, тянущим шипящие. Механизм, отвечающий за речь, также дорабатывали здесь. «Значит, они способны слышать, раз настраивают голос», – пришла она к выводу, который ей не очень-то понравился.

В один момент комната из звуконепроницаемой превратилась в шумную. Повсюду зазвучала бессмысленная фраза. Люсьена словно попала на странный рынок, где торговцы выкрикивают на разные голоса свой товар, который у всех одинаковый. «Шла кашша по шоссе и соссала Машшу» звучало крещендо, нарастая и усиливаясь, и разрешилось вдруг финальным аккордом – абсолютной тишиной. Все одновременно замолчали.

«Почему именно эта пословица... Да еще и не правильно» – подумала Люсьена, но времени на отгадку не было. На ее глазах существа с пальцами вместо голов превращались в пышнотелых, не очень высоких, не особо молодых женщин с высокими прическами и ярким макияжем. В таких, которых

Люсьена видела и в регистратуре, и в кабинете врачей. Повсюду в поликлинике. И тут она почувствовала резкую боль в левом плече, недалеко от левой лопатки.

Люсьена очнулась в удобном соломенном кресле. Она сидела под яблоней во дворе своего дома. Теплый беспечный ветер шевелил ее волосы, успокаивая.

Женщина сразу ощутила то чувство, когда силишься вспомнить сон, но не можешь. Помнишь только, что он был вроде и страшный, но очень интересный и слишком реалистичный. Через пару минут она почувствовала, как что-то кольнуло в левом плече. Там, недалеко от левой лопатки.

7.

Люсьена вспоминала свой сон отрывочно, кусками. «Поликлиника. Очередь. Женщина упала. Темный коридор. Странные люди с куском кожи вместо лиц... чушь какая-то». Возможно, она бы и забыла о странном сне, если бы не плечо. Там, недалеко от левой лопатки, теперь все время ныло и время от времени покалывало. Но почему-то, боль в области лопатки и обрывки сна были как-то связаны. Как только оно начинало дергать, в памяти тут же снова всплывали обрывки сна. Потирая больное место, Люсьена вспоминала, что снилось. Но восстановить картинку сновидения полностью не получалось.

– Что-то прохладно стало, – произнесла она и направилась в дом.

Проходя мимо зеркала, Люсьена бросила на себя взгляд да

так и застыла. Лямка ее летней кофточки наполовину скрывало плечо, но все же было очень хорошо видно, что оно очень сильно распухло и покраснело. Люсьена отодвинула рукав и ахнула. В некоторых местах кожа покрылась волдырями. Женщина максимально приблизилась к своему отражению – так, что ее сразу стало две. Встала к зеркалу спиной и обернулась. Возле левой лопатки, в центре красноты Люсьена увидела маленькую черную точку. «Родинка?», – первое, что подумалось ей. Люсьене очень бы хотелось, чтобы это было именно так. Но она присмотрелась и все поняла. «Нет, не родинка. Это клещ. Надо срочно бежать в поликлинику ...», – подумала она.

Помимо беспокойства, Люсьену еще не покидало чувство, что с ней все это уже происходило. Но женщина уже давно воспринимала подобное ощущение как часть жизни. Она жила в определенном ритме, с повторяющимися изо дня в день действиями и переживание «дежа вю» не являлось в ее обиходе редкостью. Люсьену не беспокоило то, что дни стали похожи друг на друга и отличали их лишь мелкие случайности: дождь за окном, порез пальца, поиск куда-то запропастившейся кошки. Она привыкла к своему укладу.

Но сейчас ощущение ранее виденного было в разы сильнее. Пытаясь что-то вспомнить, Люсьена, тем временем, засобиравшись в поликлинику. «Так, документы... где же они...». Их она искала долго, чему очень удивлялась. В ее безупречно систематизированном комодке для подобного ро-

да бумаг отводилась правая часть угла верхнего ящика. Однако документов там не было. Обнаружила она их в своей сумке. «Как странно, – мелькнуло в голове, – я никогда просто так с документами по улице не хожу...» И вдруг, – вспышкой, – перед глазами начали возникать фрагменты. Она собирается в поликлинику. Она разговаривает с соседкой. Она видит клеща. Картинки из сна. Но сна ли...

«Лимиговна! Вот кто прольет свет на эту темную историю...» – почему-то решила Люсьена. Подошла к окну и стала вглядываться в соседний участок. Против обыкновения, соседка не копошилась в огороде.

У женщин не было принято ходить друг к другу в гости. Острую тягу посидеть у кого-нибудь дома никто из них не испытывал. Они, в основном, просто общались на свежем воздухе, хотя и были знакомы уже достаточно долго.

Но сейчас ситуация была иная. Люсьена была уверена, что с помощью Лимиговны она сможет ответить на вопрос: «а был ли сон...». Поэтому женщина пошла на крайние меры. Решила, что если не встретит соседку во дворе, то нанесет ей визит.

Забор, отделявший частные территории, имел лазейку. Иногда обе дамы все же были не против посидеть у кого-нибудь во дворе и угоститься чаем со сладостями. Люсьена нагнулась и протиснулась сквозь дыру в заборе.

– Лимиговна! – позвала соседку. Немного постояла и, ничего не дождавшись, направилась к ее дому. Звонка на двери

не было. Она постучалась. Звук оказался глухим и тихим. Ей никто не открыл. Отойдя от двери, женщина вплотную приблизилась к оконному стеклу. Зажав руку «козырьком», пыталась разглядеть, не находится ли соседка внутри. Но внутри комнаты на окне висели занавески, и щель между ними была слишком узкой – ничего не было видно. Тем не менее, Люсьене показалось, что в комнате беспорядок, а на полу валяются вещи. Она снова вернулась к двери. Начала колотить в дверь руками. Но опять безрезультатно.

– То маячит целыми днями в огороде, а тут вдруг словно испарилась, – пробормотала она, оставив попытки достучаться до соседки и направляясь к себе. И вдруг, та выросла перед ней, словно из-под земли.

– Привет, Лимиговна, а я как раз тебя ищу, – обрадовано воскликнула Люсьена.

– Привет. Чего хотела? – услышала не очень приветливый ответ. «Не так, как обычно Лимиговна разговаривает. А может, я просто придираюсь...» – успела подумать Люсьена, прежде, чем приступить к вопросам.

– Я что-то малек подзабыла, – начала она издали и так ненатурально, что даже самой противно стало, – засмеялась. – Заснула я, крепко, сейчас вот проснулась и... не пойму, какой день сегодня, – вдруг почему-то произнесла она. И сразу почувствовала на себе внимательный взгляд Лимиговны. Слишком внимательный. Изучающий. Прощупывающий. Чересчур настороженный взгляд. Ей показалось, что

соседка не то что моргать, дышать перестала, глядя на нее.

– Пятница сегодня, – произнесла Лимиговна снова довольно резко. – Вчера четверг был. Ты собиралась сходить в поликлинику...

– И пошла? – быстро спросила Люсьена.

– Да вроде как ходила. А может, и нет. Не знаю. Я же не слежу за тобой, – отмахнулась от нее та.

Подобный ответ застал Люсьену врасплох, ведь он ровным счетом ничего ей не давал. Она даже немного растерялась. Не было никакой ясности, на которую она почему-то так рассчитывала. Женщины распрощались.

«С чего это я решила, что Лимиговна мне поможет... Да, нечего полагаться на других. Надо всегда рассчитывать только на себя», – сделала она вывод. Люсьена не стала больше ни о чем спрашивать соседку. Не хотелось выглядеть полумной. По этой же причине и плечо свое не стала той показывать. А оно теперь не только покалывало, а время от времени дергало болью.

Люсьена стала собирать сумку, чтобы пойти в поликлинику. «Снова?» – вертелось в голове.

Направляясь в медучреждение, она все больше убеждалась, что уже была там. Что все это она уже делала: разглядывала это мрачное бордовое здание, открывала двери. «Эти люди, ждущие своей очереди, склоняющиеся перед окошком... я уже видела их и вот эти раболепные позы...»

Но в регистратуре лица женщин показались ей незнако-

мыми, как она в них не вглядывалась. Люсьена посмотрела на пол. Ничего подозрительного. Обычный пол с линолеумом, плохо имитирующим паркетную доску. «А что здесь должно быть? Лужи крови?» – язвительно кольнула саму себя.

В регистратуре Люсьена, – низко склонившись к щели под окошком, – рассказала о своей проблеме, назвала фамилию.

– В 5-ый кабинет идите, – вяло направила медработница, дав понять, что разговор окончен. У нее были ярко-малиновые губы и пышная прическа. Массивная черная заколка поддерживала на затылке выкрашенные красным волосы. Карту пациента посетительнице выдали сразу. Нужная тетрадка нашлась без проблем. Слово лежала под рукой.

Люсьена машинально взглянула на столь быстро полученную карту. В уголке стоял номер: «14/17», написанный от руки и подчеркнутый красным. «Что бы это могло значить...» – промелькнула в голове мысль, но быстро исчезла, оставив привкус чего-то загадочного. Она отправилась на поиски 5-го кабинета.

Люсьена поднялась на 3 этаж. И сразу, не блуждая по коридорам, пошла в нужном направлении. Как будто уже знала, куда идти. Без труда нашла 5-ый кабинет.

Очереди не было. Люсьена медленно открыла узкую длинную дверь. Бесшумно и робко просунулась в образовавшуюся щель. От врача ее отделяла передвижная ширма. Ее специально придвинули к двери, чтобы входившие не заметили

посетителей, не успевших одеться. Люсьена пока никак не выдавала своего присутствия. Она прислушивалась.

– Да, именно у нее «дробь семнадцать»... конечно, поняла. Я все так и сделаю... пока, – услышала женщина обрывок разговора. Спустя некоторое время тот же голос, но уже совсем с другой интонацией прокричал: – Входите, кто там следующий!

Люсьена громко стукнула дверью, словно только что вошла. Поздоровалась, выйдя из-за ширмы. Села на стул для посетителей и стала наблюдать. Она увидела, как ее врач – немолодая женщина, низкая и полноватая, – встала из-за стола, сунув телефон в карман халата. Дерганой походкой закрепила вмонтированную в стену мойку. Намочила руки. Резко потрясла пальцами, избавляясь от брызг. Ей явно не нравилась вода.

– Что у вас случилось, – усевшись за стол, спросила врач, но при этом не поднимая глаз на свою пациентку и что-то уже записывая в раскрытую тетрадь. «Конечно же, опять на тарабарском», – подумала Люсьена, но вслух сказала другое:

– Меня в плечо, похоже, клещ укусил, – и повернулась, показывая проблемное место. – Болеть вот начало.

Врач бросила быстрый взгляд на то, что пациентка показывала.

– Так, вашу карту, – протянула к ней руку с ярко красными коготками. Ее взгляд задержался на подчеркнутых сверху цифрах. – Понятно...

– Что-то не так? – осмелилась пациентка задать вопрос.

– Нет, все отлично, – ответила та, опуская глаза, – возьмите, померяйте температуру.

Врач с напускным равнодушием протянула градусник. Вроде все как всегда. Разве что бросаемые исподтишка взгляды медика не вписывались в традиционный прием.

– Идите, посидите пока в коридоре, – выпроводила она Люсьену, – а я пока заполню все необходимые бумаги. Зайдите в кабинет через десять минут. Хотя нет, давайте так: вы пока посидите в коридорчике, а я вас, когда надо, вызову.

Люсьена с градусником под мышкой очутилась в коридоре. Через некоторое время врач вышла из кабинета. Щелкнула замком, закрывая дверь на ключ. Гордо подняв голову, с независимым видом зашагала в сторону лестницы. Люсьена смотрела на нее, ничего не понимая. «А как же я...», – но вопрос застыл, так и не прозвучав. Врач столь профессионально ее проигнорировала, что «невидимая» пациентка не посмела и рта раскрыть, чтобы о себе напомнить.

«Куда это она... В туалет, что ли, направилась...», – предположила Люсьена. «Но раз ничего не сказала, наверное, вернется. Главное, чтобы не на обед ушла».

Время застывало, когда Люсьена попадала в поликлинику. «Первая, а все равно, сижу, жду...», – думала женщина. – «Так все здесь устроено. Даже если нет очереди – застреваешь перед дверью. Такой вот коридорный ритуал. И он неизбежен». Она посмотрела вокруг. На неудобных скамьях воз-

ле других кабинетов сгорбились в ожидании фигуры. Незнакомцы, застывшие бок о бок.

Время шло. Кому-то из сидящих было плохо. Но вопреки логике, именно здесь сосредоточилось равнодушие. В коридоре, перед дверьми – каждый сам за себя. Со своей проблемой. Со своей болью – один на один. В кабинете, за дверьми – выполняет рутинную работу врач. Каждодневную. Единообразную. Ему еще долго сидеть здесь. Заполнять карточки. Заставлять пациентов открывать рот. Слушать жалобы. Слушать дыхание... И завтра – то же самое. И даже через год. Сочувствие и соучастие давно ушли отсюда, не вытерпев повторения одного и того же. Чужое самочувствие никому не интересно. Оно – чужое.

Люсьена вытащила градусник. Ртутная полоска дотянулась до 39,3. Увидев температуру, женщина испугалась, а вслух возмутилась:

– Да что это они, издеваются, что ли над пациентами?! – воскликнула она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Напротив нее сидел молодой человек. С виду ему было чуть больше тридцати. Люсьена уже давно заметила, что он поглядывает на нее. Поэтому на сорвавшееся возмущение тот немедленно отреагировал. Казалось, он только и ждал повода, чтобы начать разговор:

– И не говорите. Всегда здесь такое. Ты пришел на прием, но тебя не замечают, как будто и не приходил вовсе. Мой врач тоже куда-то ускакал. Наверное, важное совещание за

чашкой чая наметилось, – заулыбался незнакомец Люсьене.

Она очень удивилась, что молодой человек так активно начал разговаривать с ней. А потом усмехнулась и все сама себе объяснила: «Ну а к кому же ему еще обратиться, с кем поболтать. Очередь еще не набежала, или наоборот, уже убежала. Не перекрикиваться же ему вон с тем мрачным типом, сидящим в конце коридора. Я-то ближе».

Объединенные коридорным ожиданием, они перекидывались общими фразами. Но никто из них не рассказывал, почему сидит здесь и ждет врача. Хотя оба, исходя из случившегося, поверили бы в истории друг друга.

Люсьену, при разговоре с молодым человеком не покидало чувство, что они знакомы. Наконец, она решилась спросить:

– А вы Брыкину Семену Семеновичу случайно не родственник?

Молодой человек замешкался. Он-то уже давно узнал Люсьену, свою давнюю знакомую. Да он и разговаривал с ней также, с позиции своего настоящего возраста и их отношений. Поэтому порой забывался и этот вопрос поставил его на место. А нужно было еще и отвечать на него. Решив, что Люсьена точно не поверит в его омоложение, начал сочинять:

– Да, родственник. Довольно близкий. Сын. Погостить приехал.

– Понятно. Вы заходите в гости, на чаек. И Семена Семеновича с собой берите, – то ли всерьез, то ли в шутку при-

гласила Люсьена.

– Вот так-так! Да вы же с ним поссорились! – недоуменно воскликнул тот и поспешно добавил: – Мне батя рассказывал...

– А что, вы обо мне с ним разговаривали? – ухватилась за такую любопытную деталь Люсьена. И увидела, что ее собеседник почему-то смутился и покраснел – «совсем как Семеныч...».

Люсьена пристально вглядывалась в помолодевшего господина Брыкина. Она не могла поверить, что сын может настолько точно копировать отца. И дело было даже не во внешности. Жесты, движения, мимика были теми же самыми. Люсьена невольно следила за молодым человеком и отмечала про себя: «Вот сейчас он провел рукой по голове таким, особым, «его» способом: в одну сторону, в другую и, взъерошив волосы, направил их вверх... вот сейчас он также кашлянул... и словечко «вот так-так» Семеныч часто говорит»...

Когда-то господин Брыкин и Люсьена сидели также в поликлинике. Кабинеты их врачей располагались поблизости. Разговаривая ни о чем, они вдруг поняли, что заполняют сейчас друг другом свое одиночество. Это сразу сблизило их. Он тогда, освободившись раньше, подождал, пока женщина завершит свой визит к врачу и выйдет из кабинета.

– А вы сейчас куда направляетесь? – спросил, смущаясь, ее – вот уж не думал, что снова потянет к женскому обще-

ству. Но Люсьена казалась такой мирной и приветливой, чем сильно притягивала его.

– Да на восемнадцатый троллейбус, – ответила, ласково щурясь, она. – О, и мне на него... Другого ответа Люсьена и не ожидала услышать. Но она и не собиралась отталкивать этого немного неуклюжего в общении «довольно милого человека». Он тогда не доехал до своей остановки. Вышел вместе с ней.

– Что-то я заговорился с вами. Ну, да ладно, как говорится – проехали. Все равно мне на следующей надо было выходить. Прогуляюсь. А стаканчик воды дадите? Жарко уж очень...

– Дам. Пойдемте. – Они дошли до дома Люсьены и прошли во двор. Птицы пели, а солнце светило – казалось для них.

– А хотите чая? – спросила она его и, услышав утвердительный ответ, усмехнувшись, скрылась в домике. Через некоторое время вышла с самоваром. Он кинулся помогать... С тех пор господин Брыкин часто выходил на одну остановку раньше.

8.

С течением их знакомства, для Люсьены «Семеныч», он же господин Брыкин, уже давно перешел из статуса «просто сосед» в некий другой. В какой – она даже не могла себе объяснить. Пожалуй, потому, что не допускала проявления чувств, когда тебе шестьдесят.

И зря. Ее симпатия была взаимной. Господин Брыкин в своих самых смелых мечтах видел Люсьену, по хозяйски орудующую на кухне. На его кухне. Точнее – на их.

В отличие от Люсьены, Брыкин никогда не вспоминал о своем возрасте, когда был с ней рядом. Он просто общался, потом уходил домой – и жил, вспоминая эти разговоры, до следующей встречи. В его распорядок дня органично вписались их посиделки под яблоней за ароматным чаем. В такие минуты он отдыхал душой, а потом чувствовал себя сильным, здоровым и радостным. Он даже в гости к ней шел как-то по-другому. Едва сдерживаясь, чтобы не начать подпрыгивать.

Брыкин не скрывал от себя нового чувства. Напротив, даже был рад ему. «А возраст?» – пытался укусить рассудок. «А этому делу все возрасты покорны. Мудрец сказал», – находила, что ответить та часть его сознания, которая отвечала за все чувственное и эфемерное.

Однажды он решил показать свое особенное к ней отношение. По телефону они договорились о встрече:

– Давайте-ка сходим с вами куда-нибудь, поужинаем вдвоем. Я знаю один уютный ресторанчик – без помпезности и кусачих цен, но весьма приличный, – господин Брыкин, как ему казалось, весьма прозрачно намекнул на торжественность момента.

– Да, можно сходить, – ответила она ему, от смущения, довольно кратко.

Приближалось время встречи. Господин Брыкин готовился к ней основательно. В тот день он достал свой парадно-выходной темно-синий костюм. Тот самый, в котором чувствовал себя на все сто.

– Так, разбавим синий розовым, – господин Брыкин выгладил бледно-розовую рубашку. Господин Брыкин любил чувствовать себя модным. Не стеснялся ярких цветов в одежде и умел грамотно их сочетать. Примерив, он с удовольствием посмотрел на себя в зеркало. Затем снова все снял. Аккуратно повесил на вешалку, стряхнул невидимые пылинки. Взялся за туфли. К своей обуви он относился не менее требовательно, чем к одежде. Парадными и любимыми были черные лаковые туфли. Он натирал их мягкой бархатной тряпочкой минут сорок. Затем отставил, удовлетворившись блеском.

Приближалось время их встречи. Господин Брыкин с удивлением обнаружил, что он начал волноваться. Вдруг начал все ронять, задевать стены, не вписываясь в межкомнатные двери. Наконец, оделся и обулся. Последний штрих – парфюм.

Окрыленный, вдыхая шлейф собственного аромата, он вышел из дома. Туфли сияли. Сиял господин Брыкин. Шаги отбивали ритм: «к ней, к ней».

Он уже наметил план прогулки. Сначала они пройдутся по парку. Затем, через набережную, неспешно выйдут к небольшому ресторанчику. На самом деле, он не знал, что это за ме-

сто, какая там кухня, цены. В этом заведении он еще ни разу не был. Просто как-то раз прогуливался мимо и увидел через окна интерьер ресторана, показавшийся интересным. А когда они познакомились, он вдруг подумал, что было бы просто чудесно зайти с ней в то место, где никто из них ни разу не был. Хотел, чтобы это стал их ресторан. «И уже там...», – думалось господину Брыкину... На этом месте он останавливался, не желая заранее нервничать. Что конкретно «уже там» будет, он себе четко не представлял. Дух захватывало. «Как-нибудь разберемся», – спешно тормозил сам себя, как только, забывшись, снова в мечтах доходил до сокровенного момента. Но все пошло не так, как он запланировал.

Впуская своего кавалера, женщина отворила калитку. Мужчина увидел ее в будничном рябеньком платье. Вот только не заметил прически. Люсьена всю ночь проспала на бигудях. Измучилась очень, но результатом, все же, осталась довольна. Да, поменять свой имидж она не успела, в чем сама же на себя сейчас злилась. Хотя попытка была.

Люсьена тоже готовилась к предстоящему ужину. И с не меньшей тщательностью. Открыв шкаф, она вдруг поняла, что ей совершенно нечего одеть для подобной встречи. Оказалось, что платье, в котором она мысленно уже пошла на ужин, от длительного лежания никуда не годится. Надев его, и придиричиво всматриваясь в свое отражение, Люсьена помахала головой:

– Не то совсем: вон как вытянулось и потускнело! Тряпка,

которой я полы мою и то смотрится лучше – оценила она свой наряд и решительно отмела этот вариант одежды.

Платье из шкафа напрямик отправилось в мусорку. Остался спортивный костюм, в котором Люсьена обычно ходила на работу. Но женщина прекрасно понимала, что он не подходит для ресторана.

Она злилась на себя за то, что не заглянула в шкаф раньше. Ее совсем не прельщала перспектива отправиться по магазинам – шопинг Люсьена терпеть не могла. К тому же, времени до назначенной встречи оставалось не так много.

Но больше всего ее волновало то, что она уже давно отвыкла от подобного рода общения. Предстоящее совместное посещение ресторана задавало вопросы: «Как быть? Как вести себя? Что будет дальше?». Она волновалась и злилась на свое волнение. Но все же, нужно было спасти ситуацию. Люсьена отправилась за новым платьем.

В магазине подскочившая к ней слишком молодая и слишком глупая продавщица, любезно растянув рот в улыбке, заинтересовалась: «Для какого повода вам, бабушка, нужна одежда?..». Окончательно разозлившаяся Люсьена, сдерживая бурю эмоций, произнесла: «Для того, чтобы носить одежду, не нужен повод». Развернулась и ушла, оставив продавщицу в недоумении: «что это бабушенция сказала? И почему ушла?»

Люсьена обиженная, злая на весь белый свет, а на себя в особенности, возвращалась из магазина. Ни с чем. У нее от-

пало все желание что-либо покупать. Но главное – весь ее романтический, – хотя сама себе она в этом не призналась, – настрой, ни к месту произнесенным словом, был уничтожен. Всю дорогу от магазина до дома в голове звучало произнесенное доброжелательным тоном всего одно слово. «Бабушка».

Дома Люсьена попыталась успокоиться. Но только расплакалась, чего уже давно себе не позволяла. «Ну куда, куда я собралась... бабушка», – растравливала она сама себя, не вытирая слез. Но все же, характер у женщины был достаточно сильным. Поэтому из состояния себя жалеющего она быстро перешла в состояние боевое. Решила, что пойдет на встречу в спортивном стиле: «он же говорил, что это не какое-то там помпезное место... пустят, поди...». Провести должны манипуляции с косметикой и соорудить прическу Люсьена до прихода господина Брыкина успела, а вот костюм она решила прогладить прямо перед самым выходом. Поэтому к пришедшему немного раньше назначенного времени господину Брыкину вышла в домашнем неопределенного цвета рябеньком платье. А он, застигнутый врасплох таким вот будничным нарядом, полушутя-полусерьезно, – так, по крайней мере, думал он, – спросил: «А чего-нибудь повеселее нет?» – и кивнул в сторону ее наряда. Для нее этот вопрос стал последней каплей.

– Хочешь веселее, отправляйся на прогулку с клоуном! Нет у меня ничего веселее, понятно?! – прокричала она

и чтобы скрыть навернувшиеся слезы, развернулась и направилась в дом. Господин Брыкин в недоумении проводил ее взглядом. Такой реакции на довольно безобидную фразу он никак не ожидал. «Совсем что ли я разучился общаться с прекрасным полом. Или этот пол чего-то недопонимает...», – подумал он. Господин Брыкин не знал, что сейчас лучше сделать: «Окликнуть ее?.. Пойти вслед?.. или дать время успокоиться?..» Пока он размышлял, момент был упущен. Он услышал, как Люсьена громко хлопнула входной дверью, скрывшись в доме. «Нет, лучше подождать...»

Он, разочарованный несостоявшейся прогулкой, погас. Поникший, стоял посредине двора. Бросил взгляд на «их» место под яблоней. Там было так приятно пить чай, разговаривая ни о чем. «Вот и разобрались», – грустно усмехнулся он своим несбывшимся мечтаниям. Надеясь, что она все же выйдет, он еще с минуту постоял. Щебетали птицы. Сияло солнышко. Сияли ботинки...

– Да что я тут стою, как первоклассник, – поняв, что они уже никуда не пойдут, тихо произнес он. Вышел. Аккуратно затворил за собой калитку.

А она, злясь на всю эту ситуацию, все же отойдя от окна на «безопасное», – так, чтобы ее не было видно, – расстояние, ни обращая внимания ни на катившиеся слезы, ни на противоречащую им улыбку, пристально всматривалась в стоящую на дворе фигуру. Она понимала, что сегодня их прогулка сорвалась. От этого ей становилось грустно. Но она также

осознавала, что сегодняшний эпизод – частичка их совместной жизни, что никуда им друг от друга не деться, что они обязательно помирятся и несостоявшаяся прогулка – всего лишь дело времени. От этого где-то внутри становилось тепло и легко.

После эпизода с неудачной прогулкой, господин Брыкин, однако, совершенно не знал, как себя вести с Люсьеной дальше. Подумав, пришел к выводу, что в случившемся в большей степени виновата Люсьена. Но он также понимал, что она ни себе, ни ему в этом не признается. Значит, будет продолжать обижаться. «Следовательно, – сделал он вывод, – и процесс перемирия нужно брать на себя». Но пока он обдумывал, как лучше все устроить, в их жизни вдруг влились странные обстоятельства. У нее – ситуация с клещом. У него – с таблетками.

Господин Брыкин, в общем-то, и сами таблетки начал принимать с мыслью о Люсьене, хотя и сам бы не смог сказать, ради чего конкретно. Он иногда подолгу задумывался над некоторыми пословицами: «что народ хотел сказать таким вот изречением...» Но вдруг в жизни что-то происходило – и смысл некоторых из них становился понятен. Как только Брыкин начал пить таблетки, он понял смысл еще одной пословицы: «от добра добра не ищут».

9.

И снова, как и тогда, когда они встретились в первый раз, их свела поликлиника. Правда, на тот момент господи-

на Брыкина было уже не узнать. С Люсьеной разговор завел молодой мужчина, которому было чуть больше 30-ти. Но она заметила в нем поразительное сходство с господином Брыкиным и даже ловила себя на мысли, что сама общается с этим человеком как со старым знакомым.

– Не прошло и полгода, – тихо произнесла Люсьена, заметив появившуюся в конце коридора фигуру своего врача. Она кивнула своему собеседнику, давая понять, что вынуждена прервать их разговор.

– Заходите, – сказала врач, еще поворачивая ключ и щелкая замком двери. – Что там с температурой? – поинтересовалась она, задав вопрос и одновременно властно протянув руку за градусником. Зажала его пальцами. Поднесла к самым глазам. Черно-угольные брови взметнулись.

– Да у вас 40! – произнесла она с неопределенной интонацией и не смогла скрыть заинтересованности во взгляде, бросив его на особенную пациентку.

Люсьена, услышав про такую высокую температуру, подумала, что та преувеличивает. Чувствовала она себя довольно хорошо. Хотя действительно, периодически ощущала то жар, то озноб, но, в основном, испытывала какое-то странное чувство – синтез спокойствия и силы. Тем не менее, заметив на лице врача плохо скрываемую растерянность, немного за себя испугалась.

Зайдя в кабинет и подойдя к столу, врач вдруг начала судорожно хватать и отбрасывать какие-то заполненные блан-

ки, лежавшие на нем. Часть из них упала на пол. Один листок закружился и приземлился возле ног Люсьены. Она нагнулась, чтобы поднять его.

– Не надо!! Я сама!! Вам нельзя с температурой наклоняться!! – завизжала медик. Кинулась к своей пациентке. Но Люсьена уже успела кое что увидеть. Ее взгляд выхватил информацию. Несмотря на особенный, плохо распознаваемый почерк, она все же смогла разобрать в определенной графе фамилию «Брыкин». Заметила и подчеркнутый красным номер: «14/17», написанный от руки. «Та же дробь семнадцать, что и у меня», – опять заработали в эту сторону ее мысли.

Люсьена чувствовала: что-то не так. Она снова вспомнила сон. «Даже если всего этого и не было на самом деле, врач ведет себя слишком странно», – подумала она. – «И как бу-мажка с фамилией моего соседа попала сюда, он ведь у другого доктора...»

– Вот с этими направлениями вы сейчас спускаетесь на первый этаж, – протягивая сбежавшие листы, тем временем говорила ей врач. – Там, возле охраны есть лестница. По ней поднимаетесь, потом поворачиваете направо, потом доходите до кабинета «Дежурное помещение», оттуда поворачиваете налево и, пройдя еще немного, снова налево, пойдете по коридору, увидите на полу коврик – по нему дальше ориентируйтесь и выйдете в нужный вам ноль-ноль-первый кабинет.

– Да, хорошо, – кивала Люсьена, давно потеряв путевод-

ную нить напутствий. Она только уяснила, что сначала нужно куда-то спуститься по лестнице, а потом держаться коврика, который ведет к кабинету. – А что, Семен Семеныч тоже у вас лечится?

– Да, да, тоже, тоже, – залепетала та в ответ и начала на-двигаться на Люсьену, своей массой подталкивая ту к выходу: – Может, вас проводить?

– Нет, не нужно. Я сама. Потихонечку пойду и все найду, – фразу она начала еще в кабинете, а закончила, закрыв дверь с другой стороны. Ей не нужно было сопровождение врача-конвоира. Кроме того, Люсьена хотела убедиться, что ей действительно все приснилось. Или убедиться в обратном. Правда, как ей предстоит это выяснить, она сама еще толком не знала. Решила ориентироваться по ситуации.

Когда женщина вышла из кабинета, она огляделась по сторонам и в голове мелькнуло недоконченное: «А, его нет...». Почему-то от этого стало грустно. Разочарованная, она отправилась искать кабинет.

Блуждая по поликлинике, Люсьена уже не чувствовала температуры. Напротив, ощущала неизвестно откуда взявшийся прилив сил. «Сейчас, пожалуй, я с большой охотой станцевала бы вальс. С кавалером, разумеется. Но вместо этого ходи, ищи этот кабинет со странной нумерацией», – размышляла она.

Женщина сама не поняла, как вырулила на коврик-указатель. Черная узкая резиновая полоска повела ее вниз. Лест-

ничные пролеты, коридоры, снова лестницы. Все ниже и ниже.

Наконец, она остановилась перед дверью с табличкой «001». Очереди не было. Она постучала. Тишина в ответ. Дернула. Дверь оказалась открытой. Вошла и сразу встретилась взглядом с парой холодных, абсолютно безразличных ко всему глаз. Женщина с кубическими формами. С пышной прической в виде собранных наверх ярко-красных волос. Огромная заколка выглядывала с макушки черным рогом.

– Вас клещ укусил? – должно быть, хотела спросить она. Но в интонации вопроса не прозвучало. Монотонность глушила все интонации. Она утверждала. – Давайте мне направление, которое держите. А теперь показывайте – что, где.

– Вот бумажечка, – протянула Люсьена. Отодвинула одежду: – А вот то место, куда меня укусили.

– Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку. На живот, – последовала команда.

Женщина сняла кофту. Аккуратно повесила ее на спинку вылинявшего стула. Дошла до места осмотра, инстинктивно прижимая руки к груди. Легла. Обтянутая потертым дерматином кушетка оказалась холодной. Да и в самом полуподвальном помещении тепло не было. Люсьена лежала и старалась задержать дыхание, чтобы не стучали зубы. Врач долго не подходила. Что-то писала. Наконец, держа в руках инструмент, похожий на увеличенную вилку, приблизилась к Лю-

сьене. Пальцами натянула кожу, ухватила «вилкой» черную точку и стала раскачивать ее из стороны в сторону. Затем принялась вращать инструментом против часовой стрелки.

Люсьена лежала, продолжая сжимать зубы. Но теперь уже с другой целью – сдерживала боль. Она ощущала, как врач раздирала и без того болящее место. Ковырялась в ране.

– Все. Сейчас мы посмотрим на него – и сделаем выводы, – наконец сообщила она. – Посидите пока в коридоре. Позову, когда надо.

Люсьена оделась и вышла. Снова коридор. Снова бесконечность ожидания. Снова она вынуждена сидеть и смотреть на бледно-зеленую стену перед собой. «Здесь зеленый не цвет надежды. Цвет тоски». На зеленом вычерчивали ломаные кривые черные трещины.

Неизменный атрибут поликлиники – плакаты на стенах. Они пожелтели то ли от времени, то ли от безысходности того, что изображали. Один наглядно показывал передачу инфекций различными путями. Другой демонстрировал, что происходит с легкими при курении. По мрачности тем это были явно ярые конкуренты. Люсьена, изучая их, видела не только информацию, которую пытались донести до широких масс населения. Она видела и потертость углов обоих плакатов, их запыленность, выцветшую бумагу. «Отголоски плакатной моды. Как часто вас разглядывают. И насколько бессмысленно здесь ваше присутствие. Не скрашиваете время ожидания. Не даете ни грамма пользы. Информация, ради

которой вас сюда повесили, никак не применится. О вас забудут, как только выйдут из этого коридора».

Дверь открылась. Из кабинета к Люсьене шагнула врач, держа в руках маленькую пластиковую баночку с красной крышкой. Внутри нее, в куске бинта, лежало что-то черное.

– С вами все в порядке. Клещ не заразный. А покраснение – это аллергическая реакция организма. Вот это выпейте сегодня перед сном и завтра в то же самое время, – она протянула два бумажных прямоугольника с каким-то порошком. – Один пакетик на стакан теплой воды. До свидания. Вот вам на память, – и врач протянула баночку с черной точкой.

– А что мне с ним делать? – Люсьена указала на баночку, оказавшуюся у нее в руках.

– Его нужно уничтожить. Как? На ваше усмотрение. Можете в унитаз спустить. Многие их жгут. Что хотите, то и делайте. Всего хорошего, не хворайте, – и медработница скрылась за дверью.

Люсьена пристально вглядывалась в содержимое баночки. Ничего необычного. Клещ как клещ. «Уничтожить его?..» Внезапно ее обожгло жалостью. «Ты же не виноват, что крокопийца» – думала она, глядя сквозь прозрачную пластмасу.

Женщина стояла в коридоре и разглядывала маленькую черную точку. Люсьена слегка растерялась. Она думала, что ее персоной здесь как-то больше заинтересуются. А тут прямым текстом говорят – до свидания, идите, куда хотите. И

она пошла...

10.

Господин Брыкин был человеком привычек. Некоторые вещи должны были сопровождать его обязательно. Как, например, отрывной календарь. Такой, на первый взгляд, малозначительный предмет.

Эта вещица, ежегодно видоизменяясь, шла с ним по жизни. Так было заведено еще в семье его родителей. Проснулся – оторвал листочек, начал новый день. Само время представлялось маленькому Брыкину осязаемым. Вот они, дни, зафиксированные в толстом бумажном кирпичике и повешенные на стену. Все – на одном гвозде. И он ими управляет.

Позже он привнес эту традицию и в свою семью. Ежегодно покупал такой календарь. Был момент, когда отрывные настенные календари перестали выпускать. Они вдруг разом исчезли из продажи. Господин Брыкин сначала сильно расстроился. Но потом быстро нашел выход из ситуации.

Он часто вспоминал то прекрасное время, когда по вечерам вся семья собиралась за одним общим делом – за изготовлением подобного календаря. Заранее закупались альбомы. Двое сыновей Брыкина сначала разлиновывали их, оставляя на каждом листе по шесть крупных клеток. Затем, сверяясь с маленьким «карманным» календариком, заполняли каждую клетку. Старательно выводили названия месяцев, числа и дни недели. Завершенный альбом передавался отцу. Господин Брыкин отмечал праздничные и выходные дни, об-

вода их красным фломастером, и помогал мальчикам, тоже заполняя или разлиновывая альбомы. Жена господина Брыкина разрезала листы и складывала их, соблюдая последовательность, в небольшие кучки. Затем соединяла, образуя пачку-кирпичик. Когда все дни были прописаны, сшивала листы. Несколько вечеров вместе – и календарь готов.

Изготовление календаря всегда проходило весело. Общее дело объединяло семью. Календари делались неоднократно. Однажды они придумали своеобразную плату за проделанную работу. Каждый должен был выбрать по одному, «своему», дню. Соблюдалось условие – чтобы это был не день рождения. При выборе «своего» дня использовалась тайная, известная только тому, кто выбирает, система чисел. «Свой» день потом разрисовывался в календаре каждым членом семьи.

«Брыкин – 6 букв, значит, июнь, 6-ой месяц. Семен – 5 букв, значит, 5-ое июня», – так вычислил «свой» день господин Брыкин. Он красиво, чередуя желтый и зеленый цвета, раскрасил карандашами свой лист.

«Свой» день каждый из Брыкиных ждал. Несмотря на то, что это была больше шуточная дата, ее обязательно дружно отмечали. Семья собиралась за тем же столом, за которым делались календари. Обязательно готовилось какое-нибудь вкусное, всеми любимое блюдо, а на десерт была непременно Шарлотка, в приготовлении которой каждый старался принять хоть минимальное участие.

Изготовление календарей превратилось в их семейную традицию. Под новый год Брыкины всегда собирались вместе. За окном бушевал ветер, а они сидели, объединенные одним делом, радостные, за круглым столом и создавали свой собственный семейный календарь.

Но в мирное русло однажды что-то попадает – и оно уже перестает быть мирным. Сыновья-Брыкины повзрослели. Обзавелись собственными семьями. Их новый уклад жизни стал забирать свое. В том числе, и свободное время. Теперь они уже в своих семьях делали «календари» – устанавливали свои собственные традиции. Господин Брыкин не обижался на это. Он вспоминал, что и сам когда-то поступил аналогично. Переключил внимание на жену, на детей. История должна была повториться.

Со временем от милого семейного хобби остались одни воспоминания. Вдвоем с женой Брыкин не хотел садиться за работу. Понимал: будет не то.

Когда дети упорхнули из родительского гнездышка, Брыкин особо остро ощутил свое одиночество. Он потянулся было к жене, но что-то между ними было безвозвратно упущено.

Отдаление друг от друга значительно раньше почувствовала именно жена господина Брыкина. Она же в свое время и пыталась улучшить ситуацию. В какой-то момент старалась угодить мужу, ловила его слова и внимание. Попытка не удалась. Он сделал вид, что ей кивнул. На самом де-

ле – отмахнулся. Пустота стала выедать женскую сущность. Ее просто необходимо было чем-то заполнить. И получилось это совсем для нее неожиданно...

Господин Брыкин часто вспоминал тот момент. Она сидит на стуле, в кухне. Одна рука на столе. Ладонью вниз. Другая тербит поясok халата. Одна рука свободная, решительная, нашедшая опору. Другая – не такая. И взгляд такой же: холодный, дерзкий, чужой. А сквозь него, падающей пеленой – тоска, боль, грусть. И все же, это прозвучало:

– Я уйду, – сказала она. На руку, тербившую поясok, легла сверху и успокоила другая рука. – Я уйду к женщине. Может, это и странно, но это мой выбор.

Господин Брыкин вдруг заметил, какая она старая. Волосы пересекают лицо жесткими серо-белыми линиями. Глаза и рот тянутся книзу. Но когда она говорила об этом другом человеке, о неизвестно откуда взявшейся женщине, она ментально преображалась, словно свет внутри нее перелился через край.

Жена господина Брыкина сдержала слово. Она ушла. Господин Брыкин остался один. Однако, сам себе удивляясь, он довольно быстро пришел в себя. Он вдруг осознал, что жил не так, как хочется. Угождал, приноравливался, подстраивался. Понял, что давно не жил для себя. Понял – и начал исправляться.

Только в конце декабря, с приближением самого семейного праздника, ему становилось грустно. Вспоминалось, как

собравшись всей семьей, они делали календари, как было весело и хорошо на душе. Сыновей, чтобы скрасить свое одиночество ни в этот период, ни когда-либо еще Брыкин не звал. Понимал, что отныне их жизни идут параллельно и лишь изредка, – вопреки правилу, – пересекаются.

Все же, от настенных отрывных календарей господин Брыкин так и не смог отказаться. Ежегодно покупал их. Каждое утро, встав с постели, заправлял кровать, умывался, шел на кухню – и первым делом отрывал лист календаря. Не было дня, когда бы он забыл это сделать.

Однако после того как начал принимать таблетки, отрывал листы Брыкин машинально. Задействована была в большей степени механическая память движений. Однажды он забыл оторвать лист утром и сделал это вечером, случайно наткнувшись на календарь взглядом. Подобного еще не бывало.

– Да что это я! Так нельзя! – воскликнул он, пытаясь отогнать от себя мысли о происходящем. Но реальность ускользала. А он и не удерживал ее особо. Целыми днями прислушивался к молодеющему собственному организму. Мозг стал работать иначе. В режиме молодости. Он даже подружился с некогда злейшим своим врагом – с интернетом.

Как-то раз, зайдя на кухню, он в очередной раз оторвал календарный лист. В последнее время делал это, чтобы быстрее отделаться от ставшего неинтересным ритуала. Да и некогда было. Он как раз играл в морской бой с невидимым

противником. Нажал на паузу и побежал на кухню (а сейчас он именно бегал), сделать перекусить. Оторвав день вчерашний, он машинально взглянул на день сегодняшней. На листе календаря красовалась обведенная оранжево-зеленым надпись: «5 июня».

– О, да сегодня же мой день, – произнес он вслух, и, словно стесняясь самого себя, мысленно добавил: «значит, победа точно будет за нами».

Это был последний лист, который господин Брыкин оторвал в настенном календаре.

11.

Господин Брыкин услышал о высокой температуре Люсьены. Увидел, как она с врачом направилась в кабинет. Обеспокоенный, он тоже было пошел за ними, но дверь закрылась прямо перед носом. К тому же, как раз вернулась и его врач – женщина средних лет, невысокая, в тесном из-за полноты белом халате, с темно-рыжими волосами, уложенными в пышную прическу, визуальную увеличивающую голову. На пациента перед дверью она даже не взглянула. Безмолвно исчезла за дверью. Но Брыкин, выждав пару минут, не дожидаясь приглашения, зашел сам.

Врач сидела в кабинете, за столом. В оцепенении. Или – в ожидании. Вытянутые перед собой сцепленные в замке руки. Ничего не выражающий, сфокусированный на пустоте взгляд. Мужчине показалось подозрительным, что она вошла с минуту назад, но уже сидела, абсолютно без эмоций,

за пустым столом.

– Семен Семенович Брыкин, – успел он только произнести свое имя, как руки врача сразу взметнулись вверх, пальцы задергались, поправляя прическу. Через пару секунд словно щелкнули выключателем – затарахтел голос:

– Да, да, ждем вас... Как ваше самочувствие, что болит, какие таблетки вы принимаете, – посыпалась непрерывная череда вопросов, причем, с таким напором, что Брыкин не успел ответить ни на один из них. Так и стоял, открыв рот, в ожидании паузы.

Подождав, пока фонтан вопросов иссякнет, он подошел к столу и, присев на краешек стула, начал рассказывать о своем самочувствии, в который раз пытаюсь как-то более реалистично поведать о процессе омоложения. Но реалистично о фантастическом рассказать было проблематично. Тем не менее, врач слушала, кивая головой. На лице – ни капли удивления. Словно с подобным ей уже приходилось сталкиваться. Словно ничего необычного она не услышала.

– Вы таблетки принесли? – грубо прервала она его на полуслове.

– Да, мне по телефону передали, чтобы я их захватил. Вот... А зачем они вообще нужны? – заметив, как через маску безразличия прорывается хищный интерес, поинтересовался господин Брыкин. Он опустил руку в карман, но так и не достал коробочку с препаратом.

– Мы должны их забрать. Как для чего? Чтобы послать на анализы, – ответила та. Зачем-то подошла к окну и принялась регулировать жалюзи, создавая преграду солнцу.

Пациент сидел и наблюдал, как неестественно ярко светятся на солнце ее волосы. Но солнце изгнали – и блеск погас. В полутьме врач показалась Брыкину серым и бесцветным существом, теряющимся в медицинском интерьере. Что-то неестественное скользило в ее движениях, сначала замедленных, а потом ускоряющихся. Пациенту захотелось, чтобы жалюзи вернулись в исходное положение.

– Положите таблетки на стол, – посчитав почему-то, что этот вопрос решен, властным тоном произнесла она. Отвернулась. Через пару секунд повернулась. Взгляд на стол – быстрый. Ничего. Недоуменный – на Брыкина. Какое-то время они пристально глядели друг другу в глаза. И все же господин Брыкин уловил, как рука врача скользнула в карман ее кипенно белого халата. «Случайность? Нет. Она явно нащупала что-то, заранее припасенное», – мелькнуло в голове. И тут же он заметил, как врач начала медленно надвигаться на него. Не вынимая руки из кармана. Брыкин прислушался к своей интуиции – и кинулся к двери.

– Стойте! Мы поможем! Без нас вам одному не справиться! Вам не уйти от нас! – услышал он за собой срывающиеся на визг выкрики. Но к моменту последнего, угрожающего, его быстрый шаг уже сменился бегом.

Господин Брыкин с легкостью преодолел длинный кори-

дор. Оказавшись на лестнице, он перепрыгивал сразу через две ступеньки. Ему было жутко. И жутко весело тоже было.

Его мозг решал сразу две важнейшие задачи. Отвечая за быстроту, координировал движения, с одной стороны. С другой, лихорадочно соображал, во что же он все-таки вляпался. Он понимал, что кто-то в этом деле допустил оплошность и «вещдок» сейчас находится у него в кармане. Понимал, что сам сейчас чуть не дал маху. Протяни он таблетки врачу с красными волосми, неясно, чем бы все обернулось. «Правда, чем конкретно и как наличие препарата сможет помочь?» – спрашивал у самого себя. Но пока думать было некогда.

Он несся, вниз, к выходу. Преодолевал последнюю лестницу. Но поторопился. Его правая нога не попала полностью на ступеньку. Опора выскользнула. Брыкин покатился вниз. Все произошло так быстро, что он не успел опомниться. Почувствовал только, что нос стал горячим и мокрым. Дотронулся до него рукой. Посмотрел – на пальце осталось красное пятно. Но больно не было. Брыкин быстро поднялся. Выдохнул: «хорошо, что пострадал только нос». Достал из кармана платок – приложил. Снова вскочил на ноги и ринулся по коридору: «скорее, к выходу».

По какой-то неизвестной причине в вестибюле было пусто. Вообще никого. «Как странно», – подумал он, продолжая бежать.

Вот она, дверь, ведущая на улицу. Над ней табличка «Выход». Белые буквы на спасательном зеленом фоне. Добе-

жав, господин Брыкин со всей силы дернул за ручку – и почувствовал боль в правом плече. Так сильно рванул закрытую дверь. Мозг моментально отреагировал: «что дальше?..» Брыкин был уверен, что за ним сейчас наверняка организована погоня. Он также понимал, что бегаёт хоть и быстро, но все же, недостаточно для того, чтобы обогнать телефонный звонок. «Если дверь заперта, нужно или найти ключ...», – подумал он, но тут же отбросил этот вариант и моментально придумал новый – ... или найти другую дверь. Пусть даже эта дверь будет окном...»

Господин Брыкин бросился обратно, от входной двери, снова вглубь поликлиники. Озираясь по сторонам, перешел на быстрый шаг. Взгляд выхватил перечеркнутые наружной решеткой окна. Выдохнул разочарование. Машинально дернул ручку двери, оказавшуюся поблизости. На прибитой к ней табличке было что-то написано. Но что, он так и не успел прочесть. Потому что дверь распахнулась. Господин Брыкин нырнул внутрь кабинета. «Темно как здесь... и маленькое какое помещение. Склад что ли...». Продвигаясь на ощупь, он наткнулся на еще одну дверь. Открыв ее, мужчина оказался в длинном коридоре, в конце которого мерцал свет. «Значит, там окно», – решил беглец, устремляясь туда. И снова разочаровался, как только добежал. Оказалось, что свет шел от лампы. Она висела на стене, за открывающимся поворотом довольно низко, и, повернув, Брыкин даже задел ее головой.

Лампа высвечивала новый коридор, являвший точную копию предыдущего. В конце такой же обманкой маячило светлое пятно. Догадываясь, что и там не будет окна, господин Брыкин, все же, пошел туда. Несколько сомневаясь в правильности своего решения, снова устремился на свет.

Теперь он уже не бежал. Замедляя шаг, начал прислушиваться. Остановился. Тишина сразу оглушила его. Оглянулся. Сзади никого. Попытался успокоиться. Не особо получалось. Пошел, пытаясь шагать в такт ударов сердца, отдающих в виски. За поворотом, как он и ожидал, все повторилось. Лампа. Освещенный коридор. Свет вдаль. «Как будто, поворачивая, попадаю в одно и то же место». Но он снова двинулся дальше.

Бесчисленные повороты. Очередные коридоры. В некоторых местах коридор предлагал два направления. Можно было идти направо или налево. Брыкин решил, что будет поворачивать в одну сторону, – направо. Но при первом же повороте уперся в закрытую дверь. Над ней также слабо лила свет лампа. Пошел назад. «Куда я попал?», – думал он, произвольно ускоряя шаг. Две стены по правую и левую сторону. Без дверей. Без окон. Низкий потолок. Освещение – лампы на очередных поворотах. И – тишина. Остановившись, господин Брыкин понял, что сюда не доносится ни звука. Полная изоляция. На него нахлынул страх. В какой-то момент он решил, что попал в ловушку, из которой уже не выбраться. Но быстро взял себя в руки: «Так, считаем до десяти. Не

поможет – до ста десяти. Это всего лишь подвал поликлиники», – но данный факт мало успокаивал. Врачи не те люди, которым полностью доверяешь – даже когда полностью доверяешь. И подвалы медучреждения – не место для прогулки, если, конечно, не ставить целью пощекотать себе нервы.

Коридор стремился компенсировать свою однотипность вначале. Теперь он уже предлагал развилки с тремя направлениями: направо, налево, вперед. Брыкин снова держался правой стороны. Попытался ступать неслышно. Чтобы не стать для кого-то сигнализирующей о своем местонахождении добычей. Не привлекать к себе внимания, а услышать преследователей.

Но именно он был здесь единственным источником шума. А потом он их услышал. Шаги. Не его. Крадущиеся. Почти неслышные. Но слух человека был сейчас крайне обострен. Поэтому он и уловил этот шорох. Где-то там, вон за тем поворотом...

Он понимал, что ему нужно. Не дать опомниться преследователю. Напасть первым. «Сейчас, вот поближе подойду...», – решался он, подкрадываясь к повороту. Вжался в стену. «Опасность в промедлении», – всплыла зачем-то вызубренная в студенческие годы пословица. Мгновение – и кто-то сейчас выйдет из-за поворота. Господин Брыкин в это момент успел пожалеть, что не посещал секцию бокса. Но, все же, подражая боксерам, сжал руки в кулаки и поднес их к лицу, защищаясь. Снова в висках запульсировало. Он весь

превратился в адреналин.

Брыкин стоял и караулил неизвестно кого, слегка согнув ноги в коленях. В какой-то момент услышал как кто-то там, за стеной, дышит. Напряженное дыхание охотника. Некто уже начал выходить из-за угла, и тут господин Брыкин, словно разжатая пружина, выскочил прямо на него. Он задумал сбить с ног своего недоброжелателя. На этом, собственно, план его заканчивался. О том, что противник может оказаться не один, Брыкин старался не думать. «Это шаги одного человека», – успокаивал сам себя.

Он напал первым. Прыгнул – и повалил. И изумленно уставился на свою жертву: «Люсьена?!»

– Ты-то откуда здесь?! – встреча со столь близким ему человеком обрадовала господина Брыкина даже здесь. Страх сменила бурная радость. Разрядка окатила волной с головы до ног.

– Мне прямо так, на полу тебе все и рассказывать? – отвечала та, поскольку сбив ее с ног, Брыкин тут же набросился с вопросами, забыв обо всем, даже о рамках приличия. Пристыженный, кавалер взял даму за руку, помог подняться и даже поинтересовался о самочувствии.

– Знаешь, пусть уж лучше ты меня собьешь с ног, чем они... – получил неопределенный ответ. Ее фраза несколько отрезвила его, он сразу вспомнил, где находится и почему здесь оказался. «Неужели она тоже их жертва?», – вглядываясь в Люсьену, подумал господин Брыкин. – «Она тоже

получила «сюрприз»?..»

– Так как ты сюда попала? – снова спросил он ее. -

Хотя, нет, сейчас не время для разговоров. Не знаю, как у тебя, а у меня дела сейчас обстоят неважно. Я понятия не имею, как отсюда выйти. Дверь на входе заперли. Всех посетителей поликлиники куда-то разогнали. Мы одни против... – он запнулся на этом месте. «Действительно, против кого они? И с ним ли вообще Люсьена? Почему она тоже здесь?» Пару секунд он вглядывался в знакомые черты. Тусклый свет озарял ее. И как-то по-особенному светились глаза. «Нет, она не может быть против меня», – отбросил он все сомнения.

– Мы одни против них, – махнув неопределенно рукой, продолжил неоконченную фразу он. – Стоять на месте – бессмысленно. С той стороны, откуда ты пришла, были окна?

– Нет.

– Значит, нам туда, – сказал он, указывая на противоположную коридорную развилку.

Оба двинулись по темному коридору. Особенная пара. Молодой мужчина и женщина бальзаковского возраста. Двое, объединенные неестественными обстоятельствами.

Люсьена, как только пришла в себя от неожиданной встречи, шагая рядом с этим человеком, снова принялась размышлять: «Кто же он такой? Ведет себя точно также, как Брыкин. Очень быстро перешел на «ты». Не чувствует никакого стеснения, а ведь мы познакомились-то вот только что,

возле кабинетов... Конечно, сейчас встреча у нас была не из приятных. Не знаю, может, у него в голове что-то сдвинулось, когда он меня сшиб. Хотя он и тогда, когда мы сидели возле кабинетов и ждали своих врачей, вел себя аналогично – как будто мы сто лет знакомы...»

В голове у Люсьены вертелось столько вопросов. «Может быть, он проходит курс омолаживающих процедур и стесняется об этом говорить...» – в том числе, предполагала она. Но ни заговорить с Брыкиным, ни расспросить его она не смела. Женщина понимала, что сейчас действительно не место и не время затевать длинные беседы. К тому же, пришлось бы рассказать, как она сама сюда попала и что видела... Рассказать про сон, который, как Люсьена успела убедиться, на самом деле сном не являлся. Об этом женщина еще не готова была говорить.

У него тоже были свои причины молчать. К тому же, оба обостренно ощущали: в темных лабиринтах больничного коридора таится опасность. Оберегая друг друга, каждый из них шел молча, стараясь отогнать мысли. Обратиться в слух. Вот цель на «сейчас». А «потом» будет потом... И тут они уперлись в стену.

– Это похоже на детскую игру. Ребус такой. Помнишь? В газетах и журналах их печатали. Что-то типа «Помоги ежику добраться до его домика». И – несколько вариантов ходов. Правильный – лишь один. Но он все же был, – попытался как мог разрядить обстановку господин Брыкин.

– Да, мы пошли не тем путем, товарищи, – в тон ему ответила Люсьена.

– Возвращаемся. Там в одном месте вроде как была развилка в два направления.

– Да, я помню, – кивнула Люсьена. – Идем туда.

Они посмотрели друг на друга. В их взглядах застыло столько вопросов. Но каждый останавливал себя. Поэтому, развернувшись, они пошли в обратном направлении, молча.

12.

Пройдя еще несколько шагов, они слышали, как в ставшую привычной тишину коридоров настойчиво вливается посторонний звук. Монотонное жужжание. Словно кто-то включил электробритву. Пока орудует ею далеко. Но приближается.

– Что это? – бессмысленно спросила Люсьена. Ей нужно было реализовать свой багаж банальных вопросов. В фильмах, которые она, порой, с большой охотой смотрела, так бы обязательно спросили. Вот и она почувствовала себя героиней подобного кино. Разумеется, ответа не последовало.

Электрический звук нарастал. Кто-то приближался к ним. Господин Брыкин снова приготовился нападать. Но теперь для него это была уже не самозащита. Главным стало защитить ту, которая шла рядом с ним. Его охватила гремучая смесь чувств. Каждое из них придавало силу со своим, особым оттенком. Он – страх. Он – надежда. Он – отчаяние. Он – любовь. Он – злость. Разнообразие чувств, во многом да-

же противоречивых, рождало единую силу, выражающуюся в одном – в готовности защищать.

Звук усилился. Нервы на пределе. Притаившиеся затравленные люди крадутся в полутьме. Каждый, по-своему, готов отражать нападение. Но все же, обоих щекочет вопрос: «да что же там такое, в конце концов?..». Неизвестность, на кончике которой сидит любопытство.

Наконец, они видят это. На устройстве из двух колес, проезжает человек. Вместо лица – плоская поверхность. Вместо привычных глаз, носа, рта – выпирающие бугорки, меняющие свое расположение и форму. Безликий проехал мимо затаившихся. Повернул в другую развилку коридора. Люсьена и Брыкин выдохнули. Им вдруг захотелось бежать. Скорее, к двери, которая выведет их отсюда. Искать выход где-то в другом месте. Прочь из этого ребуса.

Но куда бежать? К тому же, теперь нужно было двигаться еще тише, а значит, медленнее. Беззвучно. Укрощать свои стремления. Железом воли замедлять шаги.

Монотонные движения казались бесконечными. Шаги, шаги... Повороты. Снова и снова шаги. Первой это увидела Люсьена.

– О Боже, сколько вас... – произнесла она шепотом.

Новый враг никак не предупредил о своем появлении. Он не издавал звуков. Поэтому мужчина и женщина шли ему навстречу, ничего не подозревая. Этих существ невозможно было услышать. Несмотря на то, что их было несметное ко-

личество.

– Это пауки, – констатировала Люсьена. Но присмотревшись, поправилась: – Нет, это клещи, – почему-то от этого, более точного определения ей стало легче. Вот только почему?

Черную, шевелящуюся массу высвечивал свет от лампы на стене. Плотным слоем животные покрывали стены и часть потолка. Плохого освещения было достаточно, для того, чтобы различать их шевеление. Но по какой-то причине они пока что не двигались к людям.

Дальше Люсьена сама не ведала, что творит. Но ею руководила уверенность, что она все делает правильно. Что-то внедрилось в ее мозг и выдавало четкие команды:

– Встань сзади меня, – сказала она господину Брыкину. – Как можно ближе.

Он нерешительно шагнул. Она повернулась и посмотрела. Встретив ее спокойный и мудрый взгляд, он перестал сомневаться. Она взяла его руки и охватила ими свои плечи. Жест отчаянной женщины перед неизбежностью? Поиск защиты? Напротив. Сейчас она его защищала.

Господин Брыкин уже давно перестал всему удивляться. Осознал, что невозможное возможно. Поэтому на происходящее смотрел взглядом ребенка, которому за то, что он верит в чудеса, их показывают.

Они прижались друг к другу. Переплетенные запахи. Ее. Его. Их. Два одновременных вдоха и выдоха. Как будто ды-

шит одно существо. Притаившееся. Замершее.

«Опять клещи. И здесь они. Но это даже хорошо, что именно они...» Люсьена чувствовала связь между ней и этой многочисленной армией, вставшей у них на пути. Она понимала, что подобное стало возможно только из-за укуса. С того момента все вдруг поменялось и пошло не так. И в этом хаосе приветствовались не оглядывающиеся на рациональность действия.

Сейчас Люсьена чувствовала в себе бурление силы. Она ясно осознавала, что может управлять этими существами. Клещи не трогали их, застыли на одном месте.словно между ними и людьми была установлена невидимая, но действенная преграда. И ее никто не мог преодолеть. Свет от лампы высвечивал пространство. Все, что окружало людей – в маленьких черных тельцах. И, среди множества шевелящихся точек – остров. Нетронутое место, где стояли двое.

Еще через пару минут клещи стали расползаться. Люсьена продолжала стоять, не шелохнувшись. Ждала того момента, когда исчезнет последний. Ей не хотелось ни на кого наступить. Она сама не замечала, что ассоциирует их с детьми: «малютки», «крошки», – вертелось у нее где-то в подсознании, но трезво проанализировать свое к ним чувство женщина боялась. Да и момент был неподходящий. Она просто решила для себя, что не наступит ни на кого из них.

Господин Брыкин не противился этому затянувшемуся стоянию на одном месте. Он был с ней, со своей Люсьеной.

Он стоял и чувствовал запах черной смородины – спелый и насыщенный, яркий и теплый. Все тревоги и страхи рассеивал этот запах. Он закрыл глаза и просто дышал.

– Вроде бы, можно дальше идти, – сказала Люсьена, оборачиваясь.

Они пошли. Продолжали двигаться так, словно между ними сейчас ничего не было. Снова – тишина вокруг и их крадущиеся, едва уловимые шаги.

Они дошли, наконец, до той развилки. Повернули. Обстановка особо не изменилась. Коридор снова предоставил им свои лабиринты.

– Как будто и не сворачивали никуда, – сказал Брыкин, просто, чтобы услышав свой голос, схватиться за ускользящую реальность.

Они шли. Время растворилось. Время стало их шагами. Тусклое освещение беззастенчиво выхватывало ущербный интерьер лабиринта. Стены грубой кирпичной кладки в лишаях плесени. Под потолком – дутые ржавые трубы, из которых в некоторых местах сочится бурая жидкость. Бетонный пол – неровный, в буграх и ямках. Подобный интерьер стирал надежду всякого, сюда попавшего – надежду на что-то хорошее. Но Люсьену и господина Брыкина не могло целиком охватить гнетущее настроение. Совсем недавно, стоя очень близко, они, несмотря на неподходящий момент, напитались друг от друга ощущением счастья. Запаслись этим драгоценным чувством. Поэтому бесконечный путь уже не

казался им столь беспросветным.

Снова шаги. Уводящий в никуда пол. Вертикали стен. Борьба. Преодоление. Приближение к цели. И – финиш. Дверь.

Они и не надеялись, что она окажется незапертой. Рывок. Да, дверь действительно на замке. Этот бой он взял на себя. Остервенело, не чувствуя ответных ударов, бросался на нового врага, закрывающего их путь к свободе. Удар за ударом. А потом все жестче, все быстрее. Плечами, руками, ногами, всем телом. Всея неизвестно откуда взявшейся мощью – по двери. Женщина даже не попыталась вмешаться в этот поединок. Она понимала, что здесь не поможет. Только каждый удар по нему болью отзывался где-то внутри нее.

За нее – удар. За них – удар. Дверь не поддавалась. Отпружинивала удары. Издевалась над людьми. Дразнилась: «а я – сильнее». Но в череде ударов он нашел, как ему показалось, слабое место и стал целиться именно туда. Возле петель – удар. И – еще. И – дверь резко открылась. Но образовалась лишь небольшая щель. Видимо, была какая-то проблема с полами – дальше не открывалась.

– Давай! Наваливаемся! – скомандовал Брыкин. Двойного напора дверь не выдержала. Внизу что-то треснуло, и она сдвинулась еще на пару десятков сантиметров. Этого было достаточно.

Проникнув в новое помещение, оба затаив дыхание, стали озираться по сторонам. Обоих волновал один вопрос: «есть

ли окно...».

– Наконец-то! – прошептал он и тут же ощутил, как устал.

Тусклый, запыленный светлый прямоугольник находился под потолком. Окно. Вернее, окошко.

– Даже не определишь точно, можно ли через него пролезть, – указывая вверх, засомневался Брыкин. – Да к нему еще и подобраться надо...

Они стали осматриваться. В комнатухе было много старой рухляди. Проржавевшие железные кровати, дырявые ведра, тряпки, которые, судя по уцелевшим пуговицам, когда-то были чьими-то халатами, гантели, перевязанные веревками пожелтевшие папки и еще какой-то хлам.

– Это даже хорошо, что здесь так всего много, – по-хозяйски потирая руки, сказал господин Брыкин. Ухватившись за высокую грядущку, он стал двигать к окну железный остов кровати. Деревянный пол глушил звук. Но прибитым тишиной людям казалось, что они издают невероятный грохот. Оба невольно замерли и прислушались.

– Если не принимать в расчет нашей кроватной какофонии, все тихо, – усмехнулся он. Люсьена кивнула. Она тоже присоединилась к Брыкину и сейчас перетаскивала к кровати большое корыто, некогда голубого цвета.

– А вот и лестница в небо, – кивнул господин Брыкин, принимая корыто и водружая его на кровать. – Теперь осталось разобраться с окошком. Он взял гантелю, обмотал руку с ней подвернувшейся тряпкой, взгромоздился на корыто

и, прикрыв голову еще какой-то ветошью, ударил по окну. Двойной стеклопакет все же оказался слабее гантели. Осколки полетели в разные стороны.

– Полегче, чем с дверью, – улыбнулся он, отбрасывая ветошь с кусками стекла в сторону и аккуратно кладя на пол гантелю. Снова влез на корыто. Выпрямился. И тут же улыбка сошла с его лица, потому что Брыкин выглянул из окна.

Он увидел, что выходит окно в нишу, как это бывает у полуподвальных помещений. Сверху нишу, – чтобы никто не свалился, – предусмотрительно закрыли решеткой. От нее до окна, из которого сейчас, стоя на корыте, высовывался Брыкин – около двух метров.

Сталкиваясь далеко не первый раз с обстоятельствами, складывающимися не в его пользу, Брыкин не понимал, откуда черпает уверенность и спокойствие. Но и сейчас не запаниковал.

– Здесь еще ниша есть, а сверху – решетка, надо проверить, можно ли ее снять, – крикнул он Люсьене.

Брыкин так и сделал. Вылез из окна. Оказался в нише. Подвинулся в угол и, цепляясь ногами и руками за выступы в неровной кирпичной кладке, долез до решетки. Осмотрел ее очень внимательно. Вздохнул с облегчением – решетку не приварили, не повесили на нее замок, просто положили сверху. Долго держаться за незначительные выступы в стенах Брыкин не мог. Все же он попытался головой приподнять решетку. Не получилось.

– Да, голова никогда не была моим сильным местом, – ухмыльнулся он. – Нужна еще одна точка опоры.

Господин Брыкин спустился к Люсьене и рассказал ей о возникшей проблеме.

– Мне нужно пролезть к решетке, а потом как-то закрепитесь в нише, обо что-то опереться.

Он снова осмотрелся по сторонам. Глаза его остановились на валявшейся в углу швабре.

– А вот и наша палочка-выручалочка! Люсьена, подай-ка мне, пожалуйста, эту точку опоры и, возможно, я переверну для тебя весь мир.

Господин Брыкин вытащил поданную Люсьеной швабру через окно, в нишу. Поставил ее между стен. Снова стал карабкаться вверх. Возле самой решетки вжался в угол и уперся ногой на древко швабры. Одной рукой он придерживался за выступ, который образовывала подвальная ниша, другой пытался приподнять решетку. Это у него с легкостью получилось. Он предполагал, что будет гораздо труднее. Поэтому и толкать решетку принялся со всей силы. В результате его мощного рывка хватило на то, чтобы даже откинуть ее. Образовалась большая дыра – выход. Их настойчивость снова перетянула удачу на себя.

Высунувшись наполовину, Брыкин ловко подтянулся на руках – и скрылся из поля зрения Люсьены. На какое-то время она в нем засомневалась. «Вот ты и одна», – отчеканил разум. Но звать его она не стала. Попыталась сама выбрать-

ся. А потом услышала его голос. Подняла голову: – «да, вот он, дорогой, никуда не делся». Откуда-то появились силы. Он протянул ей руку.

Рука об руку. Вверх. Снова вместе. И – в относительной безопасности.

– Нужно скорее уходить. Теперь уже с территории поликлиники, – сказал Брыкин своей спутнице. – К счастью, забора с колючей проволокой нет.

Ушли они беспрепятственно.

13.

– Боюсь показаться параноиком, но домой, ни тебе, ни мне идти нельзя, – сказал господин Брыкин.

– Замечательно, – кивнула Люсьена. – Мы не знаем, куда идти, зато знаем, куда не идти. Хотя... У меня есть кое-какие соображения... Пошли.

К удивлению Брыкина, несмотря на его только что произнесенное предостережение, направились они именно в сторону дома Люсьены. Но Брыкин шел молча, решив, что, скорее всего, они свернут где-нибудь дальше.

Множество незнакомцев окружало их. Идущие навстречу и шагающие сзади люди. И кто-то из этой толпы старался быть, как все. Обычным человеком. Но не являлся таковым.

– Мне кажется, что они, – женщина слегка кивнула в сторону людей, – смотрят на нас как-то не так.

– Как я тебя понимаю, – живо откликнулся он. – Предлагаю, чтобы не сходить с ума, немного отпустить ситуацию.

Надо отдышаться. Давай зайдем.

С этими словами он кивнул на кафе, с которым они на тот момент поравнялись.

– Хотя бы в этот раз у нас должно получиться... – он пристально посмотрел на нее.

Люсьена вздрогнула. Теперь она уже не сомневалась, кто перед ней. Но его перемена рождала противоречивые чувства. И непонятно, чего больше в них было: испуга или притяжения.

– Да, надо зайти. Да и убежать пока что вроде бы не от кого, – согласилась она, но сделала вид, что не поняла намека.

Через пару минут они уже сидели в прохладном, уютном помещении кафе. Людей в нем почти не было, что их полностью устраивало.

– Может, по мороженому, – и увидев утвердительный кивок, тоном, не терпящим возражений, быстро добавил, – так, по мороженому и по бокалу вина. За нашу победу.

– Сейчас, я только руки помою, – согласилась она еще раз, улыбнувшись.

Войдя в комнату с русалкой на двери, Люсьена умылась и посмотрела в зеркало. Она уже давно поссорилась с этим предметом обихода. Стекло огорчало ее, бессовестно показывая правду. Поэтому она, по возможности, его игнорировала. Старалась смотреться на себя мельком, не приглядываясь. Сейчас зеркало мстило ей за это.

Отражение. Обычная женщина. Со всеми признаками не-

молодости. Да еще и уставшая от фантастического стечения обстоятельств. И все же. Это странное выражение лучистых глаз. Довольное. Радостное. Нерациональной стороной восприятия ей нравилось все происходящее. Привлекал ее и неизвестно откуда взявшийся помолодевший не на один десяток лет господин Брыкин. Когда они пару минут назад шли по улице, она несколько раз ловила себя на том, что попросту любит его. Он был для нее чем-то новым. Она сама для себя была чем-то новым. Ее чувства тоже обновились. К ним прибавились любопытство, интерес, загадочность, нереальность.

«Ах, да!» – вдруг вспомнила еще об одном очень важном деле Люсьена. Открыла сумочку, которая все это время висела, перекинута через плечо, вытащила пластиковую коробочку. Внутри нее, на кусочке бинта – черная точка с расходящимися в стороны лучиками. Сжимая баночку в руке, она отправилась в кабинку.

Изнанку кофты Люсьена, чтобы укоротить вырез, обычно пристегивала булавкой. Сейчас она вытащила этот незаметный предмет гардероба и быстрым сильным ударом ткнула острием себе в палец. Зажмурилась от пронзившей боли. Надавила. Красная капля росла. «Хватит, наверное...» – подумала женщина и поднесла палец к баночке. Аккуратно стряхнула каплю внутрь. Черное оказалось внутри красного. Люсьена смотрела на крохотное животное в коробочке с нежностью. Потом быстро убрала баночку и вышла из кабинки.

«Зачем я это сделала? И откуда у меня такое трепетное чувство к существу из животного мира, которое обычно не вызывает симпатии?» Снова задавшись этим вопросом, она снова от него отмахнулась. «Некогда сейчас размышлять» – и направилась к выходу.

В коридоре она заметила уборщицу. Женщине вдруг очень захотелось поздороваться с коллегой по работе. Но она удержалась. Что-то в облике той настораживало. Люсьена присмотрелась: «что же не так?..» Безупречно чистое пластмассовое ведро зеленого цвета, алая тряпка в нем. «Таких в магазинах я что-то не видела», – анализировала Люсьена. Женщина была одета в светлое платье. «Уборка в платье – несочетаемое сочетание, не нагнешься, тряпку не выжмешь. Уборка в светлом платье – несочетаемое сочетание вдвойне», – размышляла Люсьена. «Да что же я самое главное проглядела! Ее формы!». Теперь она уже другими глазами взглянула на эту невысокого роста пышнотелую особу.

Все эти несоответствия и последовавшие за ними выводы пронеслись в голове с поразительной скоростью. Поэтому когда Люсьена поравнялась с мнимой уборщицей, то постаралась пройти мимо нее на максимальном расстоянии. Не поворачивая головы, боковым зрением Люсьена следила за движениями той. В какой-то момент она уловила, что «уборщица» начинает медленно поднимать свою швабру. «Зачем так высоко?..» Сама не ожидая от себя такой прыти, Люсьена сделала большой скачок вперед. И тут же услышала удар.

Швабра стукнулась об пол в двух шагах от Люсьены. Женщина вбежала в зал, где ее ждал Брыкин. Не приближаясь к столику, она пальцем указала ему на выход.

Они оба выскочили из кафе, оставляя в веселом недоумении персонал: «деньги, видать забыли» – строили предположения те. А их новая работница, кубообразная уборщица, тем временем, перешагнула через швабру, достала телефон из кармана и засемила к выходу.

14.

После прохлады кафе улица обдала жаром. Горячий ветер впивался в кожу. Но на погоду никто из беглецов не обращал внимания. Снова главным стало одно желание – уйти от погони. Преследователь может одеть какую угодно личину. Но они уже знают, что подальше надо держаться от людей с определенными формами.

Город вдруг стал другим для них. Враждебным. Люди вокруг подозрительными. Обоим хотелось отыскать надежное место. Убежище. Чтобы спрятаться там хотя бы на какое-то время. Но где его искать?

– Что за дела: ни выпить, ни поговорить, – развел Брыкин руками, когда почувствовал, что опасность миновала и можно сбавить темп. Он в очередной раз старался подбодрить свою спутницу. Но посмотрев на Люсьену внимательнее, вдруг осознал, что она в этом не нуждается.

Брыкин увидел спокойную в своей силе женщину. Мудрую как вселенная. Мужчина подчинился ее воле, потому

что интуитивно чувствовал, что ею движет нечто нерациональное. «Не надо пытаться объяснить ее действия. Надо просто идти за ней», – решил он.

Но в какой-то момент Брыкин, понимая, что они подходят все ближе и ближе к дому Люсьены, не выдержал:

– При любом раскладе это не самая хорошая идея! Ведь к тебе нельзя! Даже на минутку! Где, где, а там нас будут искать в первую очередь. Или – уже ждать, – решив, что она по какой-то причине хочет зайти домой, сказал он, удерживая спутницу за руку. – Ты забыла?

– Да с чего мне забывать-то. Из ума еще, вроде, не выжила, – ответила та. – Ты ведь уже пошел со мной. Так что вдруг засомневался? – она смотрела с некоторым вызовом, хотя сама же в этот момент невольно любовалась его несколько растерянным и смущенным видом. Он снова заговорил было про опасность, про большую вероятность засады. Но она прервала его:

– А кто сказал, что мы идем ко мне? – и, предупредив вопрос, пояснила, – самая пора отправиться в гости. Мы наведем мою соседку. И кое о чем ее спросим. Вдруг чего узнаем.

Господин Брыкин вспомнил Лемиговну. И как она выглядит.

– Она что, тоже?..

– Думаю, да. – Люсьену саму немного пугал подобный вывод. Ведь столько лет она жила с ней бок о бок. «Интересно,

кто она на самом деле...» Люсьена попыталась представить Лимиговну с бугорками на лице и щелью вместо рта. Ее передернуло.

Но, все же, они к ней отправились.

Неподалеку от улицы, где жила Лимиговна, возле магазина развернулась торговля. Человек десять женщин. Не особо молодые. Маленькие и коренастые. Сидя на низеньких стульчиках, они нависали над товаром и прощупывали идущих мимо своими глазками.

– Берем грибочки соленые, на закуску – объедение, потом еще не раз придешь, меня искать будешь, – проговаривала заученную строчку одна из них.

– Клубничку не забываем. Чудо-ягода. Вкусная, просто объедение, – вторила ей другая.

Люсьена и господин Брыкин, бросая на них взгляды, старались не показать друг другу охватившего их панического страха. Вроде бы, ничего особенного. Обычные торговки. Вот только не сезон сейчас был клубники. Конечно, может быть, та женщина просто перекупщица – купила ягоду в магазине, возле которого сидит и перепродает сейчас втридорога. Но это – в лучшем случае.

На счастливое стечение обстоятельств оба уже не рассчитывали. Чуть ли не бегом пронеслись они между рядами. Вроде бы все в порядке. Никто из торговок ничего подозрительного не делал. Даже та, которая предлагала клубнику. Распознав в странной парочке непокупателей, бизнесменши

вяло провожали их взглядами: и эти прошли, не поменяв свои деньги на их товар.

Люсьену и господина Брыкина пока никто не трогал. Лишь нехорошие взгляды то ли мерещились, то ли действительно сопровождали их в разных местах. Кололи неизвестностью. Действовали на нервы. Наконец, показался знакомый дом.

– Давай сюда, – отодвинула Люсьена доску забора. Оба, один за другим, протиснулись в лаз. Женщина бросила взгляд на свой сад. С чужой территории и сам сад показался ей чужим. Каким-то неухоженным, заброшенным и поникшим.

Люсьена прислушались. Шум деревьев заглушал все звуки. «Вы-то на чьей стороне?», – подумала, глядя на качающиеся верхушки яблонь. Опустила голову и тут же увидела неизвестно откуда выскочившую крысу. Люсьена диву далась самой себе. Раньше эти животные вызывали у нее отвращение, чувство мерзости. Она должна была сейчас вскрикнуть и постараться взобраться куда-нибудь повыше. Вместо этого ее охватили прямо противоположные эмоции. Испуга – ни капельки. Напротив, захотелось взять крысу на руки, погладить, обменяться теплом. Она вспомнила о клеще. Провела параллели – и успокоилась. Уяснила все для себя. Вернулась в реальность.

Лемиговна. Она всегда казалась Люсьене не такой, как все. Ее поведение, манера общаться, какие-то жизненные

выводы представлялись немножко наивными и чудаковатыми. Но все странности соседки женщина списывала на азиатские корни. Видимо, они тут были совсем не при чем...

У Лимиговны даже дом был необычный. На улицу выходила глухая, без окон, стена, расписанная красными фазанами. А окна «смотрели» как раз на дом Люсьены. «Чтобы легче было за мной следить» – вдруг подумалось ей. «Но что я, особенная какая?». Об этом Люсьена решила спросить у самой Лимиговны, если соседка «действительно окажется не той, за кого себя так долго выдавала».

Из открытого окна доносился звук мерного постукивания ножа о разделочную доску. «Лимиговна явно сейчас находится в доме. Еду готовит... Интересно, а что они предпочитают? Какие блюда? Едят ли мясо?.. и чье...» – промелькнуло в голове.

Люсьена и господин Брыкин собирались просто войти и застать соседку врасплох.

– Каленым железом пытаться не будем, но связать, для более душевного разговора, думаю, все же, надо, – шепнул Брыкин. Он указал на веревку для просушки белья, которая, висела на ветке дерева возле них: – Как по заказу.

Двое непрошенных гостей постарались быстро проникнуть в дом. Интуитивно пригнулись, хотя уменьшение роста на пару сантиметров не давало им никаких преимуществ. Увидели распахнутую настежь дверь – видимо, оставленную так для проветривания, так как было очень жарко.

Они вошли в дом. Половицы сразу отреагировали на вторжение, издав протяжный гнусавый звук. Предупредили. Двое застыли у входа. Обменялись взглядами: передышка перед броском. Надо дотянуть до удобного момента.

Лимиговны пока им видно не было. Действовать предстояло наугад. Господин Брыкин сделал несколько быстрых коротких выдохов. Вышел в кухню. И – в упор уставился на Лимиговну.

Люсьена, не успев повернуть за Брыкиным, стоя в небольшом коридорчике, услышала звон разбитой посуды и последовавшую за ним возню. Бросившись за ним следом, увидела, как Брыкин уже связывает испуганной соседке руки.

– Вы уж нас простите, – старался как-то сгладить неловкость ситуации он. – Но нам так будет спокойнее.

Лимиговна вопросительно и с укором посмотрела на Люсьену. Но та спокойно подошла к ней. Схватила за волосы.

– Ой, да что же вы делаете-то, с ума сошли, что ли, – заголосила та. – А-а, больно!!

– Не притворяйся. Ни к чему. Мы знаем, что ты не человек. По крайней мере, это, – она вновь подергала за волосы, – точно не твое. Люсьена в упор смотрела на Лимиговну. Пыталась уловить хоть малейшую реакцию. Но некогда знакомое лицо превратилось в маску с изображением обиды и испуга. Что однако не сбило Люсьену с боевого настроения. Она не верила в беспричастность соседки.

– Не хочешь ничего говорить? Ну, тогда нам поможет моя

дорогая малявочка, – с этими словами она раскрыла сумочку и достала оттуда баночку с клещом.

– Наводнение! – вдруг громко крикнула Лимиговна.

– Ты перепутала. Надо кричать не «наводнение», а «пожар». К тому же, ты находишься в доме – вряд ли тебя кто-нибудь услышит. Разве что он, – и она показала на вошедшего в этот момент кота. Рыжий появился в проеме двери и устоял своими огромными зелеными кругляшами на гостей. Спокойный и невозмутимый. На своей волне. Уяснив, что кормить его здесь не собираются, он нашел общество двуногих скучным. Засим с достоинством удалился, неспешно ступая лапами и неся хвост как победное знамя.

Тем временем Люсьена медленно откручивала крышку баночки. Открутила. Отложила в сторону. Баночку с клещом поднесла к самым глазам Лимиговны. На этот раз соседка не сумела сохранить хладнокровия. Ужас выдал ее, облив лицо холодным потом. Увидав, что Люсьена стала наклонять баночку, и черная точка стремительно приближается в ее сторону, Лимиговна не выдержала:

– Да, ты права, мы не такие, как вы, – сбивчиво заговорила пленница. – Но это лишь на первый взгляд. На самом деле мы – такие же люди, только выглядим иначе из-за череды опытов. Их проводили на острове. Причем, делали это обычные люди, таких, каких вы привыкли всюду видеть. Они ставили перед собой цель – вывести новый вид человека. Хотели создать существо действительно разумное, а не то, чем

сейчас в большинстве являются люди. Да, идея не нова. И все же.

Ученые посчитали, что внешность мешает развитию. Из-за нее всех делят на красивых и некрасивых. Появляется мода на определенный тип внешности. Даже на верхушку общества пробиваются за счет губ и носа определенной формы – если повезло. Если не повезло, делают операцию – и опять же, пробиваются.

Брыкин слушал все это молча, сдвинув брови. Взгляд его упал на великолепный розарий, разбитый под окном.

– Ну а как же красота! – не удержался он от реплики, хотя не это злило и одновременно огорчало его сейчас.

– Красота – лишь фрагмент, – услышал в ответ. – Причем, весьма кратковременный. Вот вы в молодости так красивы, – Лемиговна перевела взгляд на мужчину и следом на женщину: – а к старости начинаете увядать, дряхлеть и в итоге становитесь безобразны.

– Неправда! Она прекрасна! – по-рыцарски кинулся на защиту он. Господин Брыкин старался выразиться просто и без пафоса, какая она, его Люсьена. Он даже не заметил, что некоторые слова способны ее же сильно задеть: – Ее внутренний мир, все то, что скрыто, но есть, не стареет!

– Да, именно эти цели и преследовали экспериментаторы. Было решено лишить красоты человека, чтобы сделать акцент на развитии его скрытых возможностей и духовного мира. Но как это лучше всего сделать? Пришли к выводу,

что целесообразно открыть, выражаясь вашими же словами, «то, что скрыто», за счет избавления от внешности.

Стереть лицо, мешающее максимально развиваться внутреннему «я». С помощью клонирования, искусственного оплодотворения, генной химии и инженерии, компьютерного чипирования и еще массы всякой премудрости, появилось мое поколение.

Из внешности у нас сохранился, разве что, рот. Но, лишенный губ, он является лишь инструментом для выполнения функции приема пищи, не более.

С таким обличаем мы развивались. Приноравливались. Научились видеть, чувствовать, слышать через нашу особенную кожу. Мы называем ее оболочкой. Ее сверхчувствительность позволяет осязать волны, которые исходят отовсюду в великом многообразии. Это даже больше, чем зрение. Мы чувствуем весь окружающий мир, все его объекты, живое и неживое. Чувствуем красоту и увядание, боль и радость, всего не передашь.

– И в какой же стране у нас разрешено ставить опыты над людьми? – язвительно произнес Брыкин.

– Я не знаю точного местонахождения нашего общего Дома. Мы все росли на острове. Для безопасности, его пределы оградил прочной прозрачной высокой стеной. Через нее просматривалась водная гладь, простиравшаяся повсюду. Уйти с острова было невозможно. Некуда. Да никто и не стремился. С детства нам заложили мысль: «будет плохо,

если разорвется целостность оболочки острова». Внушали, что наш мир находится в безопасности, а за стеной клокочет зло. Если нарушить безупречную поверхность ограждающей стены, остров атакуют чудовища. Они придут извне. Сначала в небольшом количестве. Но их будет все больше – в зависимости от того, как будет шириться дыра.

Мы не чувствовали себя на острове пленниками. Просто жили и все. Даже мысль о страшилищах по соседству не особо пугала. Но каким-то образом стена, все же, была взломана, что долгое время держалось ото всех в секрете. Впрочем, и позже нам так и не сказали, с чьей стороны произошел прорыв. Нас атаковали или стена была кем-то взломана с нашей стороны?.. Не знаю...

На острове начали происходить странные вещи. Люди и те, кого они создали, принялись конфликтовать и даже были случаи драк. Не усмехайтесь, для нас это... сродни людоедству для вас. Но самое главное – началось сильное подтопление наших жилищ. Сначала из погребов воду начали вычерпывать ведрами. Затем она стала подступать к полуподвальным помещениям построек. Остров стал уходить под воду. К счастью, все остались живы. В какой-то момент все поняли, что нужно искать альтернативу нашему месту обитания. Но нельзя было взять и уйти в никуда.

В срочном порядке началась подготовка перехода в ваш мир. Под руководством кураторов было налажено производство масок-лиц, чтобы нельзя было отличить нас от обыч-

ных людей. К маскам, конечно, нужно приспособливаться. Вы представить себе не можете, как сильно они натирают, как физически и морально неприятно за ними прятаться. То, чего нас сначала лишили, теперь вернули – но в столь искаженном варианте.

– И вы пошли к нам, к людям? – спросила Люсьена.

Последовал утвердительный кивок и дальнейшее повествование. Лимиговне явно хотелось выговориться. Или она, по какой-то причине тянула время...

– Первыми «в люди» уходили пользующиеся особым доверием и максимально подготовленные к условиям жизни среди людей индивиды. Их отпускали на адаптирующий этап, дня на три. По истечению трех суток они должны были вернуться и рассказать, где и как лучше адаптироваться. Активной средой внедрения стали медучреждения.

Конечно, все мы в какой-то степени были подготовлены к жизни в вашем мире. Несмотря на то, что у нас есть собственный метод общения, мы знаем язык людей. Наша система образования – та же самая программа, которая изучается здесь. Вузовские дисциплины у нас тоже преподавались, причем, в обязательном порядке, можно сказать, что мы из школы переходили в вуз без вступительных экзаменов. Нашим развитием занимались кураторы, представляющиеся как «мама» и «папа». Это были такие же, как вы, люди из врачей, ученых и некоторых надежных добровольцев. Они следили за тем, как мы учились. Как узнавали мир и обща-

лись с ним. Но главное – как мы постигали себя. В нас развивали внутренние способности. Они у каждого были свои. Кто-то лучше взаимодействовал с птицами, кто-то со зверями, кто-то с рыбами. У меня был довольно редкий талант – я общалась с насекомыми, а также с относящимися к животным клещами.

– Так значит, клещ не случайно меня укусил! – догадалась Люсьена.

– Да, соседка, именно так, – с некоторым удовольствием ответила та.

– Вот тебе и совершенствование внутреннего мира, – кивнул в сторону пленницы Брыкин. – Можно, значит, делать все, что заблагорассудится? Так себе новый человек-то получился.

– Вы не понимаете. Давайте будем честными. Ведь вы никому не нужны, по большому счету. Если вдруг что-то произойдет, особого шума не будет. В данном конкретном случае с вами цель оправдывала средства.

– Где-то я уже слышал эту теорию, – произнес господин Брыкин. – Но вроде как была доказана ее несостоятельность. Я – точно против подобных опытов.

– Вы так относитесь к этому, потому что конкретно вы являетесь фигурами эксперимента.

– Но мы не давали согласия на участие в нем! Конечно, нам все это не нравится! И в чем, разрешите поинтересоваться, его смысл?

– Нас никто не посвящал в цель, которую преследовали ученые. Сказали только, что все делается ради науки, прогресса и во благо жизни. Вообще-то, ученые хотели провести эксперимент тихо, мирно. Но в какой-то момент все вышло из-под контроля. А сейчас вам лучше всего обратиться в больницу, из которой вы ушли... Я могу вывести вас сразу на нужных людей.

– Нет, спасибо, мы как-нибудь сами разберемся, – сказал господин Брыкин. Помолчал и все же спросил: – А мое меняющееся состояние можно остановить?

– Не знаю. Но в больнице вы...

– Ясно, – перебил он, – не подходит вариант.

– Я вот только не понимаю, – вмешалась в разговор Люсьена. – Почему ты так испугалась мою Клещу? – женщина не заметила, как дала маленькому животному некое подобие имени.

– Это уже не то существо, – пристально смотря на баночку в руках Люсьены, произнесла соседка. – До момента заключения договора их представителей с нашими, клещ был другим. Сейчас с ним что-то происходит – какая-то мутация. В свой адрес я чувствую волну агрессии. Но на вас, особенно на Люсьену, она не распространяется. Не могу объяснить, с чем это связано. Думаю, что таким способом проявляется икс-фактор – то есть то, что не было учтено при планировании эксперимента или возникло в процессе его реализации.

«А я могу объяснить, с чем это связано, – подумала Лю-

сьена. Но промолчала. Ей не хотелось казаться сумасшедшей, кормящей клещей собственной кровью. Все вдруг замолчали. Каждый прислушивался к себе. Каждый пытался разобраться, что с ним происходит сейчас и что может произойти дальше.

– Я итак вам слишком много рассказала лишнего, – произнесла, наконец, Лимиговна решительно. – Но раз вы отказываетесь от помощи, лучшее, что вы можете сделать, это уйти. Я знаю одно место, которое надежно спрячет вас. Лес. Вы наверняка подумаете: «не ловушка ли это, с какой стати мне вам помогать». Решайте сами. Но при этом знайте – вам удалось меня переубедить. Не во всем, конечно. Лишь в главном. Свобода и воля зазвучали для меня. Вы стали их голосами, я уловила суть. Раньше эти понятия были для меня, что называется, пустым звуком. Да что там говорить – их вообще не было. Это как осознавать, что где-то очень далеко есть Африка. Ты в ней не был и ее не видел, но все говорят, что она есть. Вроде как веришь. Но она сама по себе, а ты сам по себе. Зато теперь, с вашей помощью, я в этой Африке побывала.

– Но мы ведь ничего особенного не говорили! – возразил господин Брыкин.

– Вы не уделяете должного внимания словам, – прозвучал ответ. – К тому же, мы способны при общении проникать в самую суть вещей.

– Но ведь мы с тобой дружили! – невпопад произнесла

Люсьена. Ее вдруг охватило возмущение: «ведь получается, ее столько лет водила за нос та, которой она многое доверяла» – Или для тебя это тоже из области неизведанного?

Лимиговна ответила не сразу. Она пристально глядела на Люсьену. Каким-то необычным взглядом:

– Вот это, как раз, еще одна причина, по которой я говорю, что вам надо уходить, – произнесла она и помолчав добавила: – Я буду скучать без тебя, соседка. Я бы даже ушла с вами. Но – нельзя мне. Да и быть третьим лишним тоже не хочу.

Снова повисло молчание. На этот раз его нарушил господин Брыкин:

– Расскажи, как попасть в лес.

Лимиговна подробно описала маршрут. До леса нужно было добираться на электричке, до станции «Перепутье». Затем, через лесопосадку, обогнуть озеро, перейти еще одну полосу искусственных насаждений, после чего уже очутиться перед настоящим, «тем самым» лесом.

– Что это именно он, вы поймете. Этот лес – живой. Он будет проверять вас. Он будет ощущать вас. Он будет испытывать вас, – говорила Лимиговна, похожая в этот момент на вещунью. – Если вы как-то сумеете договориться с ним, расположить к себе, он покажет дорогу в место безопасности. И вот еще что вам нужно знать про него. Этот лес мы тоже изучали, подбирая новое жилище. У нас его называли «Коаца». «Коа» – будь спокойным, верь. «Ца» – никогда не верь, будь

начеку. Это очень противоречивый лес. Даже нечто большее. Это не лес, а создание. У него могут возникнуть симпатии к существам: людям, зверям, птицам – ко всему тому, что попадает к нему. Но чувство может изгнать ветер. И на их месте, без какого-либо на то основания, могут возникнуть злоба и ненависть. Причем, они проявятся с той же силой, с которой до этого момента проявляли себя положительные эмоции. Безумен ли он? Наверное, да. Но он также и очень мудр. Он – нечто особое. И он сам способен создавать. Существ, которые проявляют его «коаца»: они либо добрые, либо злые, – так говорила Лимиговна.

– Но почему тебе нельзя туда? – спросила Люсена.

– Наше сообщество недостаточно изучило этот лес. Слишком мало было времени. Туда отправилось несколько добровольцев. Обрато их лес не отпустил. Когда заканчивался срок исследований, с ними связались. В ответ последовала просьба о продлении времени изучения, якобы оно необходимо для завершения какого-то эксперимента. В дополнительном времени им отказали. Но приказ возвращаться никто из ушедших не выполнил. Они так и не вернулись домой. В лес отправился второй отряд добровольцев. Их постигла та же участь. По какой-то причине они все стали частью леса. Никого туда уже больше не отправляли.

У каждого из нас потом появилась своя версия происходящего. Одни говорили, что лес – зло, другие считали, что вся армия добровольцев жива, просто никто из них не хочет

возвращаться на остров.

Я сделал свой вывод. Думаю, что лес отражает сущность каждого индивида. Если попадается хорошее существо, он создает плохое – и наоборот, к злему он созидает добрую пару. Он балансирует все вокруг себя. Создает противовес. Но что он делает с теми, кто к нему попадает, неизвестно. Когда еще была связь с добровольцами и с ними общались, никто из них не почувствовал ничего неладного. Голоса у людей, который тоже входили в отряд исследователей, были радостными. Они восторженно делились впечатлениями, утверждая, что лес – сокровищница для научной деятельности. Шкатулка с драгоценными открытиями. Видимо, с двойным дном та шкатулка была. Говорили, что те, кто тогда с нами держал связь, были и они, и в то же время не они.

Лес также может создать и мой двойник со знаком «минус», а может сотворить со мной все, что захочет – но я этого не хочу. В общем, я туда не пойду. У вас же нет другого выбора. Иначе такие, как я, все же доберутся до вас. Да и сейчас вас наверняка ищут. Не мешало бы поторопиться.

– Ну, тогда пока, – сказала Люсьена и остановилась, глядя в бывшую приятельницу. – Извини, ежели что не так.

– Это ты извини, – услышала в ответ. – А это что, так и оставите? – Лимиговна подняла связанные руки.

– Да, точно – забыли, – господин Брыкин подошел к ней. Стал перерезать веревку.

Все произошло мгновенно. Никто и опомниться не успел. Как только веревка очутилась на полу, руки Лимиговны быстро скрылись в фартуке и также быстро оттуда вынырнули. Левая явно не пустая. Еще одно, – молниеносное, – движение и в плечо Брыкина вонзилась игла. Инъекция была впрыснута. Почувствовав укол, мужчина с силой оттолкнул Лимиговну. Та повалилась на кровать.

– Зачем же ты так! – закричал Брыкин. – Вот уж действительно, мягко стелила...

Люсьена поняла, что Лимиговна что-то сделала Брыкину. Подскочила к ней, схватила за волосы и со всей силы рванула на себя.

– Я должна была это сделать! – кричала та в ответ. – Вы не поймете, но это мой долг.

– Что ты мне вколола? – встряхнул Брыкин пленницу, отеснив от нее Люсьену.

– Я не знаю толком, – пытаюсь уклониться от ударов разъяренной Люсьены, говорила Лимиговна. – Тот, кто дал мне шприц, сказал, что это вам поможет. Но как именно – я не в курсе.

– И ты поверила?

– У меня не было оснований не верить. К тому же, я чувствовала, что вам действительно будет лучше. Ведь вы бы не согласились вколоть лекарство добровольно, предложи я вам.

– И для этого нужно было втереться в доверие, – кричала

Люсьена. Но она уже простила Лимиговну. И отпустила ее.

Мужчина и женщина оставили дом загадочной соседки. Они не видели, как она сначала долго-долго стояла у двери. Не видели как та, которую они знали под именем Лимиговна, стала совершать странные движения. Не видели, как она кружилась на одном месте. Не видели, что с ней случилось потом...

15.

Лес стоял надежной крепостью. Густой. Сосновый. Многочисленные коричневые стволы походили на вбитые копыя. Лишь с трех метров от земли начинали распушаться в стороны их ветки.

Двое медленно пробирались между деревьями. Все глубже в чащу. Тихий шелест шагов нарушал тишину. Они прислушивались к лесу. Как он к ним отнесется? Пока – никакого проявления враждебности. Мирно пахнет травой и хвоей.

Неожиданно все вдруг замерло. Застыло. Остекленело. А потом их оглушил треск. Это гнулись деревья. Словно их пригибала на одну сторону невидимая рука колоссальных размеров и силы.

– По-моему, нам показывают путь, – прошептала заморожено смотревшая на проявление лесной воли Люсьена. Она медленно двинулась вперед, дав знак Брыкину, чтобы тот остановился.

Брыкин и без того застыл на месте. Он зачаровано смотрел на нее – на девушку в длинном соломенного цвета пла-

тье с венком из алых маков на голове. Его Люсьена. Такой ему показывал ее лес.

Ее волосы – длинные, мягкие, с вьющимися прядями притягивали взгляд. Он не удивлялся, что Люсьена вдруг стала иной. Ему знаком был этот образ, как будто все это время он только его и видел. Лес просто вывернул все наизнанку. Обнажил истинное. Поменял местами внешнее и содержимое.

Люсьена позвала его. Он пошел за ней следом. Они шли друг за другом по странной тропинке. Слева угрожающе трещали стволы. Но нагнувшиеся деревья, как только пара проходила мимо, тут же выпрямлялись, принимая обычный вид.

Воздух насыщался ароматами. Соревнуйся сам с собой, являл все новые и новые грани. То пахло горячей травой, то обдавало холодом смолы и хвои. Ветер, как хотел, смешивал запахи. Получался очередной шедевр от парфюмера по имени лес. Одурманенные ароматами, они, наконец, вышли к большой бревенчатой избе.

– Ей бы очень пошли курьи ножки, – усмехнулся Брыкин, дергая за ручку двери.

Дверь, – в очередной раз, – оказалась закрыта. Монолитная деревянная оболочка надежно защищала внутренности дома. Чтобы ее открыть, господину Брыкину пришлось поднапрячься.

– Кто же этот коттедж здесь построил? – особо не надеясь на ответ, более сам у себя спрашивал и одновременно упирался уже со всей силы в дверь господин Брыкин.

– Думаю, он сам, – задумчиво ответила ему Люсьена.

– Кто «он»? – не понял Брыкин.

– Лес, – ответила она таким тоном, каким произносят что-то очевидное.

– Но зачем? И – как?

– Не знаю. Еще вопросы...

– Да какие тут еще вопросы. Все ж ясно. Лес так лес. Я не против, – начал дурачиться он, не зная, что еще сказать.

– Ты бы уважительнее к нему, – посоветовала Люсьена. Ей показалось, что окружающий мир при последних словах Брыкина, на миг колыхнулся.

Она начала озираться. Уловив ее настороженность и Брыкин, оставив дверь, тоже начал смотреть по сторонам. Оба затихли, вглядываясь в лес. Да, он привел их сюда. Но зачем? А вдруг это ловушка?.. Часть эксперимента. И теперь за ними следят те, кто вывел обезличенных людей?.. Стремясь противостоять начавшей шевелиться в нем панике, Брыкин всю силу вложил в удар по двери.

– Наконец-то! – довольно произнес он.

Дверь медленно поползла в сторону, открывая перед парой все больше неизвестной пустоты.

Они перешагнули порог. И оказались в темноте. Никто даже не понял, где было более неуютно – в неподвижно застывшем, в упор разглядывающем их лесу; или здесь, в избе без единого окошка с притаившемся зверем – неизвестностью.

Когда глаза привыкли к темноте, они смогли различить

довольно просторное помещение. Интерьер состоял из стола, длинной скамьи у стены, а на полу широкая деревянная доска в углу явно выполняла функцию кровати. Сверху на ней лежало некое подобие настила, состоящего из сухой травы.

– Такое впечатление, что кто-то здесь до нас уже жил, – сказал, осматриваясь, Брыкин, – может быть, это те, о ком твоя соседка говорила.

– Очень может быть, – согласилась Люсьена.

– Но точно одно – сейчас здесь этого «кого-то» нет, – пришел он к заключению.

– Да, здесь сейчас никого нет, – снова кивнула она.

Брыкин облегченно вздохнул. Он почему-то безоговорочно верил Люсьене. Скажи она сейчас, что перед ним стоит кто-то невидимый, Брыкин бы в этом не усомнился. Скорее, стал бы вглядываться в пустоту и усиленно соображать, как быть, что делать с невидимкой.

Напряжение постепенно уходило. Они поняли, что находятся именно в том укромном месте, где можно перевести дух. Люсьена вдруг присела и начала шарить руками по полу.

– Есть! – через некоторое время довольно произнесла она. – Помоги, пожалуйста, открыть.

Господин Брыкин присел рядом с ней. Начал тоже возить рукой по полу. Через пару секунд нащупал углубление в полу и запрятанное в нем металлическое кольцо. Поняв, что это ручка погреба, он обхватил ее и потянул вверх.

Открыв погреб, мужчина и женщина стали заглядывать внутрь. Они пытались рассмотреть, что же находится там, внизу. Но недостаток освещения скрывал не только глубину, но и содержимое погреба. Они смогли лишь, снова на ощупь, определить, что внутрь ведут ступеньки, выдолбленные в глинистой стене.

– Будем спускаться? – спросил на всякий случай он.

– Надо же осмотреть владения, – кивнула она.

Он и не думал пускать ее первой. Спускаться было неудобно. По обе стороны от ступенек Брыкин нащупал еще и веревки, выполняющие функцию перил. Он практически висел на канатах. Ступеньки не особо-то и помогали. Но потом, все же, приноровившись, начал использовать канат и ступеньки одновременно.

Мужчина медленно опускался все ниже и ниже. Чем дальше уходил вниз, тем больше чувствовал запах земли. Наконец, спуск закончился.

В самом погребе пахло неприятным и гнилостным. Здесь, внизу, в кромешной тьме в тело спустившегося человека сразу вонзил зубы холод. И страх. Брыкин даже сам не знал – ему сейчас больше холодно или страшно. Он медленно двигался вперед, выставив руки перед собой. Наступил на что-то. Послышался хруст.

– Да что же там такое, – пробормотал он, стараясь не думать, что бы это могло быть. Но сделав еще шаг, снова услышал тот же звук.

Мужчина вспомнил о телефоне. Фонарика в нем не было. Но экран – тоже источник света. Он нажал на кнопку и направил телефон вниз. Вспыхнувший ярко-синим экран моментально выхватил из темноты кусок пространства. Брыкин чуть не закричал. На полу лежали кости. Большие вперемишку с маленькими. В несколько слоев. Друг на друге. Он различил черепа, пластины тазобедренных, длинных позвоночных костей.

– Так вот что за хруст я слышал, – произнес он.

Пытаясь понять, где заканчивается страшная дорога, он вытянул руку, выставив телефон перед собой. Но тугая тьма не пропускала свет дальше двух шагов.

– Чего там? – послышалось сверху, и этот голос очень отдаленно напоминал Люсьену. – Я спускаюсь к тебе!

– Не надо! – истощенным голосом закричал он в ответ. – Я уже поднимаюсь!

Отказавшись от дальнейшего исследования погребца, Брыкин полез вверх.

– Что там такое? Почему так быстро вернулся? – сразу начала пытаться молчащего Брыкина Люсьена. Но заметив даже при плохой освещенности, как трясутся его руки, прекратила расспросы.

– Пошли отсюда, – произнес он, схватил ее и буквально выволок из избы. – Хватит. Нашли, кого слушать. Еще неизвестно, что она мне вколола, – сбивчиво говорил он, перекакивая с одного на другое.

Мужчина шел, не разбирая дороги. Ему хотелось быть как можно дальше от избы. Женщина шла рядом. Люсьена молчаливо ждала, когда Брыкин ей все расскажет.

– Я видел там внизу кости, – произнес он, наконец. – Не знаю, чьи они, сколько их там – нужен фонарь, чтобы понять весь объем.

Люсьена чувствовала себя виноватой, ведь это она обнаружила погреб.

– Я рассчитывала на другое. Думала, что там будет припасена какая-нибудь еда.

– Нет, эта изба-читальня с секретом, – Люсьена выдохнула: раз Брыкин начал шутить, значит, вернулся в норму. – Хотя я бы сейчас тоже не отказался бы от... от ка-ба-на! – последнее слово он протянул, указывая на небольшую поляну, открывшуюся перед ними. Там, на зеленой травке, мирно паслись кабаны с маленькими кабанчиками.

Люди не стали тревожить это семейство. Повернули в другую сторону. Люсьена посмотрела на Брыкина. Он шел, насупив брови и закусив нижнюю губу. «Явно о чем-то думает. Наверное, все еще не отойдет от увиденного», – решила она. И очень удивилась, когда услышала озвученный ход его мыслей, который двигался совсем в другом направлении:

– Даже если сейчас вон в тех кустах мы найдем ружье, я не смогу выстрелить в кого-то из них. И почему древние стали охотиться и убивать? Ведь можно было примкнуть к лагерю травоядных. Но они не захотели быть жертвами. По-

этому стали палачами.

– Может, и так, – сказала Люсьена. Но ей не хотелось сейчас философствовать на отвлеченные темы. Слишком много успело произойти. В чем-чем, а в вопросах недостатка не было. Поэтому, практически без перехода, она спросила совсем о другом. Задала вопрос, которого избегала, поскольку и самой, рано или поздно, предстояло на него ответить:

– Так что же с тобой случилось?

Он стал рассказывать ей про телефонный звонок, про «выигрыш», про таблетки...

– Зачем, зачем же ты начал их принимать! – не удержалась она от взгласа.

– Хотел стать для тебя кем-то особенным, – сказал он и испугался, что проговорился.

– Но ты итак им был!

Карты раскрылись. Дальше они шли молча. Брели куда-то. Им уже не было ни страшно, ни тревожно. Оба обдумывали новое, согревающее – взаимные признания. В какой-то момент они вдруг стали маленькими детьми, заблудившимися в лесу. Беспечными. Радостными отчего-то. Увидев поляну с земляникой, с взгласами ликования ринулись к ягодам. От них исходил спелый, сочный аромат. Двое срывали их и, улыбаясь друг другу, ели. А потом они повзрослели.

Она бежала по полю. Красные маки – яркими вспышками. Поле – бесконечность. Повсюду – алые головки маков.

«Маковки вы мои», – улыбалась он им и ласково проводила по цветам рукой. Ветер дотрагивался до них. Он легонько прикасался и к свободно висящему подолу ее платья: тянул то в одну, то в другую сторону и вдруг стремительно поднимал вверх. И это был уже не ветер. Все желания начинались и уносились временем их единения...

Потом они сидели рядышком на траве. Вокруг них ровным гулом шумел лес. Но не пугающе. Он пел их чувства. Лес был мудрее и возлагал на них свои надежды. Они не понимали его. Только женщина интуитивно чувствовала частичку его сущности. И была благодарна за то, что лес пел вместе с их душами.

Оба знали, что этот день будет для них и первым, и последним. Но никто не заговаривал на эту тему – к чему.

Миг безмятежности. Так много. Так мало. Чувствуя друг друга, они отодвинули все вопросы. Просто жили-были. Она смотрела на него. Разглядывала. Запоминала. Завтра он уже не будет таким. Но она не хотела думать об этом приближающемся часе «икс». Да, он будет. Но лишь через много-много вдохов и выдохов. Потом. Через вечность. Не нужно отравляться этим часом сейчас. Бессмысленно. Глупо.

Люсьена упивалась своим настоящим. Без вопросов. Без оглядки на свой возраст. На возраст того, кто находился рядом. Это было так несущественно.

Возраст – условность. Лес людей заточил жизнь в многочисленные рамки. Возраст был одной из составляющих этой

тюрьмы. А они, – уже давно, – вырвались на свободу. И настоящий лес одобрял их.

Солнце превратилось в наглядный и беспощадный диск времени. Его тянуло скрыться за линией горизонта. На какое-то время оно зависло над этой чертой – и уткло. Скрылось, как монета в прорези. Копилка дней, горизонт, алчно заулыбался алым. Прицелился на счастье двоих.

Солнце унесло с собой безмятежность. Вечер принес тяжелые думы. Оба понимали, что надо возвращаться в избу – какое-никакое, но убежище.

Он первым об этом задумался. От мысли, кто будет находиться с ними по соседству, его передернуло. «Хорошо, что она не видела...» Глянул украдкой на Люсьену. Но та уже давно наблюдала за ним. Ей тоже было понятно: «пора». Но они все еще вместе. Светятся друг другом.

– Ну что, пошли домой? – улыбнулась она. Ему вдруг стало легко-легко от этой фразы. «Их дом». Да, пусть ненадолго, пусть с чем-то негативным внутри, но это – их дом. Он кивнул.

Они медленно двинулись вперед. Женщина обернулась. С нежностью посмотрела на то место, откуда только что ушли. А он смотрел на нее – Люсьена снова была в длинном платье, с распущенными завивающимися волосами, к которым тихонько прикасался ветер. Наваждение леса еще не потеряло свою силу.

Двое вошли в избу и закрыли за собой дверь. И только сейчас обратили внимание, что она вся сплошь в засовах. Подобные приспособления, предназначенные преградить путь, торчали даже с потолка и с пола. Брыкин, принявшийся запира́ть дверь, насчитал 13 засовов. Это настораживало. «От кого-то кто-то предпочел хорошенько отгородиться...» – думал он, рассматривая защитную конструкцию.

Но даже не это заботило его сейчас. На первом месте была тревога за Люсьену. Он не особо надеялся, что от укола Лимиговны свершится чудо. «Скорее всего, ночью начнется очередное омоложение» – мучительно думал он. А это означает, что он не сможет, в случае чего, помочь Люсьене, защитить ее. Ему предстоит максимально сдерживать самого себя.

Люсьена, даже сейчас, в темноте, практически не различая его лица, угадывала его состояние. Чувствовала его беспокойство каким-то новым чутьем. Она помогала Брыкину закрывать дверь на засовы.

– Сколько их тут, – произнесла ради того только, чтобы хоть как-то нарушить их обоюдное, отягощенное тяжелыми мыслями молчание.

– Да, – неопределенным тоном поддакнул Брыкин. В этот момент он решался на разговор – о той неприятной стороне, о которой он предпочел до поры до времени не рассказывать.

– Знаешь, Люсьена, я по ночам начинаю очень сильно меняться, – начал он. – Зрителей, правда, до сих пор не было,

но мне кажется, что это не очень приятное зрелище. Нет, я тебя не пугаю. Предупреждаю. Постарайся не обращать на меня особого внимания. Тем более, тут будет достаточно темно для этого.

– Хорошо. Я постараюсь, – ответила она, ни о чем больше не спрашивая.

Он сжал ее руку:

– Спасибо. Держись.

Оба еще немного постояли рядышком. Словно прощались друг с другом. Затем также, рядышком, они расположились на «кровати» – доске с травяным настилом. Очень быстро стемнело. До черноты.

– Мы прямо вовремя успели, – произнес Брыкин. – А то бы сейчас топали по лесу, об пеньки спотыкались.

– Да, молодцы, все успели, – двусмысленно, выделив «все», ответила она. Голос звучал звонко и бодро, а по щеке бежала слеза. Она упала на руку Брыкина, и высохла на ней.

– Не бойся. Я с тобой, – банально, но очень тепло произнес он.

Тишина. Двое – в плену у неизвестности. В ожидании неминуемого. И вдруг откуда-то сверху начал доноситься топот. По крыше явно кто-то ходил.

– Да это птицы, наверняка, – пытался успокоить Брыкин.

– Да, с копытами, – добавила Люсьена.

– Да это когти так стучат. Просто у страха глаза велики.

Завтра выйдем, посмотрим, наверняка птичьим пометом вся

крыша будет уделана.

Люсьена улыбнулась: среди всего этого безумия, которое время от времени накрывало их, он старался развеселить ее и успокоить. Значит, все в порядке.

Стук прекратился. Тишина единения обволакивала их еще какое-то время. Но вскоре – началось. Он отодвинулся. Люсьена сжала его руку. В тот же миг почувствовала как ее руку охватила его рука стальной хваткой напряжения. Через секунду он выпустил ее руку и еще больше отодвинулся – чтобы никак не выдавать своих движений.

Брыкин сдерживался, как мог: закусывая до крови губы, сжимая руки в кулаки. В этот момент ему казалось, что малейший стон способен облегчить боль. Но он слишком ценил ее спокойствие. Оно же давалось ему дорого. Платой было страдание тела. В этот момент Брыкин был благодарен крошечной тьме, их окутывающей. Лишь твердил про себя слова-заклинания: «только бы выдержали засовы».

По крыше снова начал кто-то ходить. Мерное цоканье. В тишине звук многократно усиливался. Потом участился.

– Их стало больше, – произнес Брыкин, стараясь придать голосу привычную интонацию. Он не думал особо, о чем говорит. Просто хотел сказать хоть что-нибудь – дать понять, что все с ним в порядке.

– Да, они ходят теперь по всей крыше, – ответила Люсьена. – Знаешь, как я пытаюсь отвлечься от этих звуков? Закрываю глаза и представляю, что это просто дождь.

– С таким же успехом можно представлять, что это птицы.

Она не смогла удержать улыбки – нежной, грустной и благодарной.

Люсьена попыталась представить птиц, способных издавать подобные звуки. Но память подсунула мультипликационную «птичку» с веселой песенкой о вороне. В одном из кадров она была показана со стройными ножками с копытами. Люсьена стала представлять стаю, – или стадо, – подобных копытных птиц. На нее вдруг накатила безудержная веселость.

– Нам помнится, вороне, – тихонько протянула она. Брыкин подхватил:

– А может быть, собаке, – ему было не до веселья, но зато в звук он смог вложить свою боль.

Они сидели и пели. Веселая песенка ободряла. Отпугивала страх нелепостью неуместного веселья. Оба даже не услышали когда прекратилось цоканье на крыше. В какой-то момент они вдруг оба замолчали.

И моментально на них нахлынула тишина. Отовсюду. Темная, тягучая тишина. Люсьена перевела взгляд на то место, где в стене еще при первом посещении избы она заметила небольшую щель, сантиметра в два. В этом месте сейчас светились две красные точки. Глаза. Ей показалось, что они смотрят прямо на нее. Нет, в нее. Люсьене стало трудно дышать. Внутри все напряглось, не желая пускать красный взгляд. Женщина попыталась отвести глаза. Но красные

точки не отпускали. Связали ее взгляд. Захватчики проникали все глубже на чужую территорию – в таинственную суть души. И вдруг – наткнулись на преграду и рассыпались об нее. Люсьена глубоко задышала: «Как это здорово – просто свободно дышать», – подумала она. И тут же опомнилась. Она не слышала его. Никаких звуков оттуда, где находился Брыкин, не поступало. «Ты как там, ничего?» – хотела спросить Люсьена, но не спросила. Испугалась, что он не ответит ей. Стала прислушиваться. Ни звука. Только когтисто острая пустота вокруг.

– Ты как там, ничего? – услышала она вдруг свои же мысли, но произнесенные им. Голос его был хриплым. Ей показалось, что он еле сдерживает боль.

– Да я отлично, – ответила Люсьена. – Ты-то как? – задала вопрос, бессмысленность которого понимала.

– Да и я – прекрасно. Сейчас вот немного поскриплю, зато завтра ты меня не узнаешь.

Люсьена усмехнулась двойному смыслу этой фразы. Не сдержалась:

– Я бы предпочла тебя все же узнать.

– Это вряд ли. Гарантирую обратное. Одно точно – это буду я.

Они снова замолчали. Тишина вращалась, образуя воронку, а они сидели внутри нее. Чуждый им мир за дверью шевелил страшным.

Люсьена боролась с желанием поднять глаза к той щели.

Но она чувствовала, что оттуда за ними постоянно наблюдают. Уже не кто-то с красными глазами. Но кто-то еще более сильный, способный заморозить душу. Так сильно посмотреть в ту сторону женщина хотела не случайно. Шел мощный зов, направленный на нее. Пока ей удавалось противостоять.

В тишину вдруг выстрелил хохот. Дикий. Отчаянный. Угрожающий. Как будто безумец вдруг заговорил с помощью него. До этого момента Люсьене казалось, что она уже устала бояться и теперь ей будет все равно, что бы ни случилось. Оказалось, что рано было делать подобные выводы. Сердце, реагируя на дикие звуки, бешено заколотилось.

– Да что они там, смеются, что ли, над нами, – раздался комментарий Брыкина. И Люсьена, сама не осознавая, что с ней происходит, расхохоталась.

– Вот вам! Наш ответ! – выкрикивал в моменты ее передышки Брыкин.

– Вот уж повеселил ты меня, спасибо, – говорила она ему, успокоившись.

– Зато прислушайся – там все стихло, – отвечал он. – Они, как тебя слышали, сразу поняли, что смех – это не их конек.

Страх отпустил их. Навалилась дикая усталость. Они уже не слышали, как кто-то принялся скрестись в дверь. Оба уснули. И сон их был крепкий, оздоравливающий, восстанавливающий силы после сумасшествия, с ними творившегося.

Не слышали они и как вкрадчивый скрежет превратился в сильные удары. Не слышали, как к ударам в дверь присо-

единились удары по крыше. По стенам. По всему дому. Они крепко спали во всем этом грохоте, в яростной осаде кого-то извне. Оберегаемые. И с ними обоими что-то происходило.

Господин Брыкин всегда после пробуждения чувствовал себя странно. Поэтому он не придал особого значения и нынешнему непонятному чувству. Но он заметил: окружающий мир за ночь сильно изменился. Причем, было какое-то странное восприятие действительности... Брыкин подумал, что у него начались проблемы со зрением. «Умоюсь, и лучше будет», – решил он и, осторожно, чтобы не разбудить Люсьену, встал и направился к двери. Через некоторое время, на поляне, возле реки, раздался крик. Детский крик.

17.

Проснувшись, Люсьена долго не открывала глаза. Женщина все пыталась отогнать мысль, каким наутро она увидит его. Но это было совсем непросто сделать. «Совсем юнцом безбородым?» – мелькали неконтролируемые вопросы. И вот утро наступило. Сейчас все произойдет. Она не открывала глаза, потому что морально подготавливалась перед встречей с его новым образом. Но долго оттягивать момент тоже не могла – да и любопытство подталкивало.

Открыла, наконец, глаза. Солнечный свет проникал в щель в стене избы, поэтому было довольно светло. Люсьена поняла, что она здесь одна. Взглянула на дверь – так и есть. Засовы отперты.

День начинался с тревоги. «Где он? И почему ушел...», –

думала женщина. С опаской выглянула из-за двери. Еще не решалась ступить в тот мир, который совсем недавно был столь враждебным и страшным. Но солнце освещало все вокруг. Оно испепелило мрак ночи. Оно вселяло уверенность. Люсьена доверилась солнцу. К тому же, беспокойство за Брыкина было сильнее собственного страха. Она вышла из избы и пошла, сама не зная точно, куда направляется. Пройдя пару шагов, вдруг осознала, что идет к тому самому «их» месту. Как вдруг услышала крик. Пронзительный. Звонкий. Люсьена устремилась на звук. Женщина уже все поняла. «Только без глупостей», – мысленно послала Брыкину то ли мольбу, то ли команду.

Он сидел, разглядывая себя в отражении реки. Маленький мальчик в одежде не по размеру. Он уже не кричал. Сидел, уставившись на отражение, и следил за кругами, которые создавали на воде капли – его слезы. Он даже не обернулся на шаги. Люсьена подошла, присела рядом, повернула его к себе. Глядя в эти глаза, – наивно-детские, безгранично доверяющие, – внушила: «не бойся, я тебя в обиду не дам. Все у нас с тобой хорошо». Они сидели, обнявшись, возле реки. Мальчуган и женщина. Тихо текло время.

– Я думаю, это все она, твоя соседка, – произнес он голосом, которого Люсьена не знала. – Ничего себе, помогла. Так быстро, за раз я еще не молодец. Что же будет завтра? – он старался посчитать, сколько лет приблизительно ему было вчера, сколько ему сейчас и сколько он «сбросил». – Это

получается больше двадцати лет. Сразу. Что же будет... – он не договорил. Люсьена взяла его за руки. Крепко сжала их:

– Ничего, дорогой мой. Не надо об этом думать. Завтра будет завтра. А сейчас у нас есть сейчас. И мы.

– Но ведь завтра... не хочу, – и на воде снова появились частые круги.

– Да, ты все правильно понимаешь. Будь мужественным. Мы ничего не изменим. Люди приходят и уходят. Таков закон в этом мире. Какие-то устоявшиеся правила мы с тобой уже неоднократно нарушали. Но есть что-то неизблемое. Действующие законы. Через них не перепрыгнешь. Хотя, как знать... В любом случае относись к «завтра» как к чему-то новому. Другому. И даже в чем-то интересному.

Он смотрел на Люсьену. Слушал ее. Верил ей. Заражался ее силой и правотой. В очередной раз решил быть сильным – ради нее. Для его женщины – подруги, любимой, матери...

Они сидели возле реки. Мальчик уже не плакал. Он положил голову женщине на колени. Она тихонько гладила его. Прикосновения успокаивали и ее, и его. Вдруг он поднялся и заявил со всей детской непосредственностью:

– А что мы кушать-то будем?

Люсьена не готова была ответить на этот вопрос. Но сама в этот момент почувствовала, как голодна.

– А пойдем на поляну, где мы вчера собирали ягоды, – смогла лишь предложить она, в то же время усиленно сообщая, где еще можно раздобыть еду. Понимала: одной еже-

викой сыт не будешь.

Лес в изобилии угощал их этой ягодой снова.

– И все же: если здесь жили исследователи, они не могли не оставить хоть немного запасов провизии, – уверено сказала она, поймав его взгляд. – Нужно просто лучше осмотреть наш дом.

– «Наш» дом?.. Здорово звучит, – он улыбнулся и Люсьена узнала эту улыбку. Они медленно побрели назад. И оба до какого-то момента не знали, как ответить на возникший сейчас вопрос: «кто полезет в погреб?..» Люсьена понимала, что это придется сделать ей. Она пыталась убедить себя, что там безопасно и даже если лежат кости, то они ничего плохого ей не сделают. «Ведь ночью оттуда не доносилось ни звука», – подбадривала она себя. – «Значит, нечего бояться». К тому же, возле нее так смешно подпрыгивал тот, ради которого она была способна не только спуститься в подвал к нечисти, но и выйти ночью в лес.

Из-за деревьев сочным коричневым пятном уже выглядывал «их дом». В своем новом «звании» он уже не был столь пугающим. Он был их надежной защитой и крепостью.

Они старались максимально распахнуть дверь, чтобы в избу попало как можно больше света. Дверь упрямо упиралась в пол, предоставляя не особо широкую щель. Но даже ее хватило. В избе стало гораздо светлее. К тому же, солнце сейчас было явно на стороне людей. Оно направило свои лучи прямо в ту самую щель, откуда ночью за Люсьеной следили

глаза.

С более пристальным вниманием мальчик и женщина начали разглядывать свое жилище. В дальнем углу обнаружили пару удочек и котелок, внутри которого лежала желтая зажигалка.

– Уже хоть что-то, – кивнули друг другу.

– Ну а теперь ты постоишь, посторожишь меня наверху, а я быстренько спущусь в погреб – и назад, – тоном ставящим в известность и не терпящем возражений произнесла Люсьена.

– Люсьена, ау, я вообще-то тот же самый, – произнес он. – Я мужчина. Тебя защищаю я. И полезу тоже я.

– А кто у нас тут кушать требовал? – не сдержалась она.

– Как тебе объяснить... Иногда на меня находит тот возраст, на который я за ночь изменился. И это заявление о том, что есть хочу – из той же области. Да, бывают такие моменты, когда я начинаю терять свое настоящее, саму суть. Чувствую себя на столько, на сколько выгляжу – и начинаю вести себя подобающе этому возрасту. Но я изо всех сил стараюсь быть тем, кого ты знаешь. Не потерять свое истинное «я». Сама видишь, не всегда получается... А кушать и впрямь хочется. Причем, со вчерашнего дня, – оба улыбнулись, зная, что это так.

– Тогда пусть все будет по-честному. Ты туда уже спускался, а я еще нет. Так что моя очередь. К тому же, еще неизвестно, где страшнее, тут или там, – Люсьена уже хитрила. –

И еще один аргумент: ступеньки рассчитаны на рост взрослого человека.

Она все же смогла уговорить Брыкина. Начала сама спускаться в погреб.

– Да что ж так неудобно-то! – вскрикивала, как только ее ноги вновь и вновь соскальзывали со ступенек и ей приходилось виснуть на веревках. Сверху моментально раздавалось беспокоящееся:

– Что там у тебя? Нормально все?

Она успокаивала его, спускаясь все глубже. Наконец, ноги Люсьены ощутили твердую поверхность. Сердце забилося быстрее – готовилось к неприятности. Женщина вытащила из кармана телефон и судорожно нажала на первую попавшуюся кнопку. Яркая вспышка резанула по глазам. Но выхватила лишь земляной отрезок пола. Кусок черноты. Больше ничего. Люсьена осторожно пошла вперед, каждую секунду опасаясь наступить на кости и услышать хруст. Но пол был чист. Никаких посторонних звуков – кроме ее шагов. Оснований не верить Брыкину у Люсьены не было. Женщине стало не по себе.

– Ну что там, как дела? – раздался сверху, ставший для нее уже родным детский голос.

– Все в порядке, – постаралась крикнуть она как можно бодрее, но звук ее голоса оказался глухим и слабым. Он ударился о стенки погреба и не смог долететь до верха.

– Нормально все у меня! Ищу еду! – что есть силы закри-

чала она снова.

– У меня пока тоже все отлично, – услышала звонкий голосок. Он приободрил ее.

«Раз тут ничего такого нет, не буду терять время», – подумала Люсьена и стала продвигаться вперед маленькими частыми шажками. Она шла, вытянув вперед руку с сотовым. Но не включала его. Боялась, что батарейка разрядится в самый неподходящий момент. Просто держала наготове. Через некоторое время ее рука дотронулась до чего-то гладкого и холодного. Люсьена судорожно одернула руку и ткнула кнопку телефона. Вспышка света открыла взору стену с углублениями наподобие полок. В каждом из углублений лежало что-то съестное. Овощи, банки консервов, пакетики с крупами и кашами – все было аккуратно разложено по полочкам.

– Да тут на год еды хватит, – пробормотала Люсьена.

Женщина, присмотревшись, поняла, что она дотронулась до гладкой поверхности пластиковой бутылки. Емкости с водой представляли здесь в самых различных вариантах: и большие пятилитровые и полторалитровые и совсем маленькие.

Люсьена сразу разместила по карманам бутылочки с водой. Начала тщательно осматривать полки. Она искала провизию, которой можно быстро, без особых хлопот, утолить голод. Нашла. В свою женскую, но вместительную сумочку положила банку тушенки и пачку хлебцов. «Как в магазин сходила», – довольно улыбалась она, поднимаясь.

Люсьена решила еще раз спуститься в погреб, но уже прихватив котелок, который они так удачно обнаружили. «В него влезет гораздо больше еды, чем в мою сумку», – подумала она.

Женщина вылезала из погреба с видом триумфатора. Мальчик с недоверием переводил взгляд: от нее – на оттопыривающиеся карманы. С карманов – на набитую сумку.

– И там все это было?

Люсьена кивнула.

– И они разрешили тебе все это взять?

– Они не разрешали. Они отсутствовали, – ответила женщина. – Да что тут говорить и думать, давай-ка, помоги мне, надо быстренько со всем этим разобраться.

– Я «за», – произнес он, жадно глядя на провиант.

– Хорошо, что крышка консервной банки с «язычком» – а то попробуй, открой такую без ключа, – тем временем говорила она, расстегивая сумку и вынимая оттуда провизию. – Правда, посуды я не нашла, всяких вилок-ложек тоже. Придется руками орудовать.

С этими словами Люсьена открыла банку и ловко подцепила пальцами кусочек мяса в желе. Брыкин в то же время раскрыл пачку с хлебцами и протянул ей тоненький прямоугольник. Люсьена распределяла содержимое из банки по всей длине хлебца. Протянула ему:

– Первый бутерброд для моего мужчины.

Он не хотел спорить. Он хотел есть. Поэтому с большой

радостью и благодарностью кивнул и принял бутерброд. Второй Люсьена съела сама. Она наделала еще бутербродов, израсходовав все хлебцы и тушенку. В банке остались пластины белого жира и немного желе.

– А теперь мне нужно спуститься туда еще раз, с котелком, – сказала Люсьена, когда они все съели.

Спуститься в погреб, набрать провизии и подняться женщине удалось без приключений. Она даже вынесла оттуда трофей.

– А это – тебе, – женщина протянула Брыкину набор, состоящий из ножа, штопора, секатора и прочей всячины, применения которой Люсьена даже не знала. – Нашла внизу.

– Ух ты! По-моему, это набор туриста, только в улучшенном варианте... А какой здесь нож – красота! – с восхищением принялся рассматривать подарок Брыкин. И это выглядело так органично. «Каждый мужчина – маленький мальчик», – подумала женщина, с умилением глядя на его восторг, – «и бывают моменты, как, например, сейчас, когда прорываются мальчишеские восторги, независимо от возраста».

Когда один из них вдоволь наигрался с трофейным набором, решено было позаботиться о приготовлении ужина заранее.

– Берем котелок, картошку, баночку из-под тушенки, – командовала Люсьена.

– А удочки?

– Конечно, их мы тоже захватим. Найдем подходящее место и устроим ужин на траве.

Они расположились у реки. Солнце беззаботно светило сверху. Но оно было двуликим. Светило вело безжалостный отсчет. Ему вторили время и река – они текли, обгоняя друг друга.

Брыкин с видом заправского рыбака забросил удочку.

– У тебя клюет, – кивнула в сторону дергающегося поплавок Люсьена.

Паренек резко дернул удочку вверх. Из воды взвилась вверх большая темно-серебристая полоса – и звонко плюхнулась обратно. Сорвалась с крючка. Но рыбак не расстроился:

– Ты видела, какая она была? Огромная! Я поймал гиганта! – кричал он, показывая руками удесятеренный размер рыбы.

– Ты в следующий раз так резко удочку не дергай, – учила она его, хотя и сама имела весьма поверхностное представление о рыбалке.

У него получилось. Следующая рыбка с крючка уже не сорвалась.

Поймав еще пару рыб, они отправились искать сухие ветки, чтобы развести огонь. Неподалеку от реки обнаружили место, где кто-то до них уже разводил костер.

– Наш котелок, похоже, здесь и использовали, – указал Брыкин на установленные особым способом камни. Их явно

поставили именно так для того, чтобы удобно было повесить посудину над огнем.

– Мы везде натываемся на чей-то след, но самих хозяев что-то не видно, – задумчиво произнесла Люсьена.

– Главное – аленький цветочек не срывать, – подмигнул он ей.

Через пару минут они уже разводили костер на имеющемся приспособлении. На палку, закрепленную между камнями, повесили котелок, наполовину заполненный водой. Когда она закипела, положили картофелины и кусочки рыбы.

– Как хорошо, что ты нашла набор туриста! Без него бы мы и порезать ничего бы не смогли! – любуясь подарком, сказал Брыкин.

Через некоторое время уха уже аппетитно булькала и издавала вкусный аромат. Суповой тарелкой для них стала банка из-под тушенки. Ели из нее по очереди. Весьма кстати пришлась и небольшая ложка, которая тоже входила в набор туриста. Уха из свежепойманной рыбки обоим показалась самым вкусным блюдом, которое когда-либо доводилось пробовать.

– Да, условия, конечно, в этом отеле – так себе, – произнес Брыкин. – Зато воздух чистый. А вообще, если честно, мне еще никогда не было так хорошо. И так вкусно. За такую уху полцарства не жалко.

Они долго и медленно ели, смотрели на речку, то говорили о чем-то, то просто молча сидели, слушали, как потрес-

кивают сучья в их костерке. Растягивали этот день. Но в какой-то момент Люсьена краем глаза заметила, – или ей показалось, – что от деревьев отделился силуэт и начал перемещаться. Она немного повернулась, чтобы лучше его рассмотреть. Но как только она это сделала, силуэт растворился. Люсьена, как ни в чем ни бывало, провела рукой по волосам, но, одновременно локтем прикрывая рот, тихо проговорила:

– Похоже мы не одни тут...

У мальчика рядом с ней появилось такое испуганное выражение лица, что женщина пожалела о столь неосторожном высказывании своих опасений.

– Но, может быть, мне и показалось – нервы-то на пределе, – постаралась, как могла, сгладить свою же фразу женщина. Наверное, вышло не очень убедительно, так как она сама не верила в то, что говорила. Люсьена уже привыкла доверять интуиции и какому-то особому чувству – а оно сейчас зашкаливало и било во все барабаны, сигнализируя об опасности.

– Ты увидела что-то, да, – скорее утвердительно произнес Брыкин. Она кивнула в ответ, засыпая тлевший костер землей. Они взяли удочку с котелком и направились в сторону своего жилища. Люсьена чувствовала: что-то не так. При чем, это «не так» подкралось к ним совсем близко.

– О Боже!.. Смотри! – женщина указала Брыкину на их тени. Два гигантских вытянутых силуэта. Один побольше, другой чуть поменьше. Вроде бы, похожие на обычные тени...

Но следовало к ним внимательнее присмотреться.

– Тени не успевают повторять наши движения! – воскликнула она. – Делают все вроде бы то же самое, что и мы, но с опозданием! Смотри!

Люсьена показала пальцем на тень. Тень повторила ее движения, но лишь спустя пару секунд. Убеждаясь в своем предположении, женщина подняла руку вверх. Тот же запаздывающий эффект.

Но тут солнце сокрыли тучи. Тени исчезли. Люсьена схватила мальчика за руку и они быстро, как могли, бросились в свое убежище. Люсьена глянула на небо. Туча была не большой, не маленькой. Нельзя было определить, успеют ли они, до появления солнца, добежать до избы. Вот он, их дом – уже совсем близко... Но любопытное солнце освободилось от туч, чтобы взглянуть на беглецов. Гигантски тени выросли снова. Но теперь они находились не вместе с теми, кого преследовали. Они их обогнали. Люсьена упала. Споткнулась об ветку, появившуюся неизвестно откуда. Брыкин помог ей встать. Еще одна ветка сунулась под ноги. Но ее уже женщина заметила и переступила. Глянула украдкой на мальчика – глаза, переполненные страхом.

Брыкин в этот момент глядел, как они стремительно приближаются к двум страшным теням, вставшим у них на пути. Он крепко сжал руку Люсьены, пытаясь ее притормозить. Они остановились неподалеку от теней, не зная, что делать, как их обойти.

– В конце концов, это всего лишь тени, – произнесла шепотом Люсьена. Они медленно двинулись к ним навстречу. Вступили в зону теней. И – первое, что оба моментально почувствовали – сильнейший удар по их зажатым, – одна в другой, – рукам.

Разъединение. Моментально все вокруг обволокло мглой. Но эта тьма была материальна. Она кидалась в людей черным колючим песком. Целилась в лица. Вынуждала закрывать глаза. Люсьена прикрыла лицо руками. Сквозь пальцы силилась увидеть Брыкина. Но его не было видно из-за мельтешения песка. Она с усилием сделала шаг. Наваливалась телом на стену ветра. Зажмурившись, присела на корточки и начала водить руками по земле. Ничего. Ветер перекрывал доступ воздуха. Женщина повернулась в противоположную сторону. Судорожно вдохнула. Начала ползать на коленях. Влево. Вправо. Вперед. Кончики пальцев коснулись чего-то. Она сразу открыла глаза: «Он!»

Схватила его рученку, не обращая внимания на тысячу песчинок, которые моментально впились ей в глаза. И сразу же ветер стих. Песочная пелена упала. Оба увидели, что они находятся всего в нескольких шагах от избы. Сверху льет свет солнце. Вокруг все беззаботно и обычно. Словно и не было ничего. Они с опаской осматривались – гигантские тени исчезли. Обессиленные, оба опустили на траву. Сидели, переводя дух, прижавшись друг к другу. И тут Люсьена услышала странный звук – словно Брыкину не хватает возду-

ха. Повернулась к нему. Перехватила полный ужаса взгляд. Посмотрела туда, куда глядел он...

Со стороны избы к ним быстро направлялся паук. Ростом он был с большую собаку. На его черной коже в точечках поротсвечивалось солнце. От головы, сужаясь книзу, свешивался отросток-хобот. То был не паук, как им показалось вначале, а увеличенный до невероятных размеров клещ.

– Это же... – машинально загородив собой мальчика прошептала Люсьена, – Это же Клеща.

– А я думал Энди Уорхол, – раздалось из-за спины.

– Ну ты и вымахала, дорогуша, – не успев отреагировать на шутку, все еще зачарованная зрелищем, произнесла женщина. Клещ уже подошел к ним вплотную. Приблизился к Люсьене. Замер. Люсьене было слегка не по себе от подобной близости, но она была уверена, что «дорогуша» ничего дурного им не сделает.

– Ты голодная, наверное.

– Вот сейчас она нами и перекусит, – снова попытался, как мог разрядить обстановку Брыкин. Кроме того, за шуточной фразой скрывалось предостережение для Люсьены.

– Нет. Это же наша Клещца. Она так не сделает. Иди-ка ты, моя хорошая, в лес. Теперь ты уже большая. Раздобудь себе что-нибудь сама.

В ответ животное разве что не кивнуло. Развернулось и также быстро скрылось за деревьями.

– Она понимает тебя! – услышала Люсьена восхищенный

возглас. Повернулась к Брыкину.

– Да. И мне кажется, я ее тоже, – задумчиво ответила та.

Они не стали заходить в дом. Расположились рядом с ним. Здесь им было уже не страшно. Оба понимали, что в избе они укроются, лишь с наступлением ночи. Последней ночи. Но до этого момента их отделяло время их жизни.

Стараясь не думать о безысходном, они, чем могли, занимали себя. Брыкин нашел палочку и начал водить ею по земле. Круг. Внутри него глаза-точечки и улыбающийся рот-дуга. Длинные прямые вокруг круга. Это солнце. «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я» – тихонько запел он, выводя палочкой человечков под солнцем.

– Дарю, – сказал он ей, когда закончил свое творчество.

– Благодарю вас, сэр, – шутливо ответила она и потрепала по волосам.

– А еще я дарю тебе вон то дерево, видишь? – он указал на растущий несколько поодаль от других деревьев молодой кедр. Люсьена кивнула, сдерживая выворачивающуюся душу. Она понимала, что он пытается оставить какие-то воспоминания после себя.

– Я иногда вспоминаю что-то из детства... странно звучит от меня, да? – произнес он, присаживаясь рядом. – Какие-то картинки. И я уже не могу поручиться, что это действительно было. Что это было именно со мной. Что этот эпизод я не вычитал из какой-нибудь книги. Твоя жизнь – воспоминания. И в какой-то момент начинаешь сомневаться, что они

твои. Освещены лишь те, которые рядом. В них более-менее уверен. Остальные – темный лес и чем дальше, тем он больше и темнее... А это дерево, которое я тебе подарил, оно, видишь, стоит на солнечной стороне.

Люсьена видела, что мальчик, так философски рассуждающий перед ней, сам еле сдерживается, чтобы не расплакаться.

– Да, мой хороший, я ничего не забуду, – говорила она, успокаивающе поглаживая его по спине.

– Ты молодец. Держись.

Они снова сидели рядом. То разговаривали, то надолго замолкали. Шутили, смеялись сквозь слезы. Вечер заставлял грустить. Солнце, так ненадолго задобренное, вдруг снова заспешило скрыться за полосой, разделяющей землю и небо.

Маленький мальчик, он же господин Брыкин, задумчиво смотрел на Люсьену. Не разглядывал. Впитывал ее через взгляд. В себя. Только она, та, что находилась сейчас рядом, была способна развеять его тоску, разогнать страхи. Господин Брыкин собирал остатки мужества, чтобы не начать истерить – мальчик в нем очень этого хотел.

– Давай уже в дом, – сумел выдавить он, когда сильно стемнело и деревья, – или что-то другое, – начали пугающе шевелиться вокруг. – Пора запираться на засовы.

В избе они сидели молча, близко друг к другу. Чувствовали сейчас особо остро моменты последнего единения. А снаружи клочкотал лес. Стучал по крыше, скребся в двери,

пытался лезть в щели, в души. Но все было наглухо затворено. Люсьена закрыла глаза. Она просто стала осязанием – сосредоточилась на ощущении его. В этом сейчас заключался ее мир. Все, что происходило вне этого мира, было неважно, какофония звуков не проникала в него. Растягивать время. Просто сидеть. Молча. И ничего не делать. Но только одного своего могучего противника они не смогли учесть. Сон. Он напал на них – и разлучил.

18.

Он перестал быть. Но только в своем привычном человеческом обличии. Но он все равно был. Мир вокруг него перестал существовать. Но только в его привычном для человека виде. Теперь он сам создавал свой мир. Что-то брал извне, добавляя к себе, от чего-то отказывался. Создавал себя заново. И везде, – незримо, – присутствовала Она. Всюду и сейчас. Как нечто большее, чем просто человек. От осознания этого его формирующийся мир, не прекращая самосозидание, пел неслышные песни и плясал невидимые танцы.

Он начал расти – теперь уже вперед. Снова – вперед. От этого становилось легко и вольно, окрылено. Пахло чем-то малиново-теплым и алыми маками вспыхивало его счастье.

19.

Люсьена проснулась. Она еще долго продолжала неподвижно лежать, ощущая свое одиночество. Закрытые глаза еще какое-то время сдерживали слезы. Но вот рука нащупала одежду. Лишь его одежду...

– До свидания, дорогой мой, – шепнула она, и слезы освободились.

Она вышла из избы. И сразу увидела – солнечный круг, нарисованный палочкой. А неподалеку шумел и кланялся ей кедр. Люсьена упала.

После рыданий пришло облегчение. А еще – какое-то новое, странное ощущение. Она чувствовала себя полной сил. Люсьена поняла, что омоложение по какой-то причине перешло на нее. А потом все вдруг стало ясно – и куда предназначено деть эти силы, и на кого потратить. Она провела рукой по животу:

– Ну, здравствуй, дорогой мой, – и на ее помолодевшем лице алым маком расцвела улыбка.